

Д.П. Макадамс

ПСИХОЛОГИЯ ЖИЗНЕННЫХ ИСТОРИЙ*

В последние годы появляются свидетельства о возрастании научного интереса к автобиографической памяти, жизненным историям и нарративным подходам к человеческому поведению и опыту. В этом контексте представляется актуальной сформулированная Дэном П. Макадамсом [81; 82; 84] концепция идентичности как жизненной истории. Он утверждает, что люди в современном обществе обеспечивают внутреннее единство, согласованность целей и осмысленность своей жизни путем конструирования интернализированных и развивающихся Я-нарративов. Представление о том, что идентичность – это жизненная история, соответствует множеству важных тем в психологии развития, когнитивной психологии, психологии личности и культурной психологии. В работе автором представлен обзор и обобщающий анализ современных теорий и результатов изучения жизненных историй в таких областях, как исследования самопонимания, автобиографическая память, структура личности и ее изменения, а также сложные взаимоотношения между жизнью отдельного человека и современной организацией культуры.

Ключевые слова: жизненная история, идентичность, нарратив, автобиографическая память, личность, культура.

Жили да были психологи, которые воспринимали жизненные истории как нечто немногим отличное от волшебных сказок, – нечто очаровательное, даже чарующее подчас, но, в общем, как некое подобие детской игры, не обладающее значительной научной ценностью для понимания поведения человека. Психоаналитики [43] порой размышляли над историями снов или фантазий, рассказываемых их клиентами; кое-кто из наиболее идеологически независимых ученых мог попросить испытуемого рассказать историю в ответ на определенное изображение [105], но серьезные ученые никогда

не интересовались фантазиями, историями и мифами. Понятие «жизненная история» может вызвать ассоциации с методом индивидуального случая (*case study*) (например, [3]), психобиографическим методом [35] и другими весьма подозрительными предприятиями в области идиографических спекуляций. Хотя, в принципе, нет ничего плохого в том, что ученые пытаются понять истории человеческой жизни [122; 146]. Возникает вопрос: что же делать ученому, как только ему (ей) удастся понять жизненную историю? Все знают, что своенравные капризы единичных случаев не могут быть обобщены

* Данный материал изначально был опубликован на английском языке в издании: McAdams, Dan P. (2001) *The Psychology of Life Stories*. *Review of General Psychology* Vol. 5, N 2, p. 100–122. Copyright © 2001 by the American Psychological Association. Перевод и публикация осуществляются с разрешения издателя и автора. Американская психологическая ассоциация не несет ответственность за точность перевода. Ссылка на оригинальную публикацию при цитировании данного материала должна выглядеть следующим образом: McAdams, D.P. (2001) *The Psychology of Life Stories*. *Review of General Psychology* Vol. 5, N 2, p. 100–122. Использование информации от АПА не подразумевает поддержку со стороны АПА.

Корреспонденцию можно отправлять по адресу: to Dan P. McAdams, Foley Center for the Study of Lives, Northwestern University, 2115 North Campus Drive, Evanston, Illinois, 60208 или электронной почтой: dmca@northwestern.edu (*ред.*).

© Перевод с англ. Д.А. Кутузовой и Ф.И. Барского, 2008.

на всю популяцию [59]. В целом можно сказать, что истории слишком податливы, а человеческие жизни настолько же велики, насколько и разнообразны. Потому никого не удивит, что жизненные истории привлекали внимание лишь наиболее романтически настроенных ученых.

Но в 1980-х годах ситуация начала меняться. После некоторого количества критических публикаций (например [24; 101]) психология личности стала смотреть за пределы единичных, узкоопределяемых черт и обратила внимание на более широкие темы, важные для понимания человеческой жизни. Свидетельством этому был сдвиг к изучению структурной организации черт (например [99]), индивидуальных мотиваций и внутренних целей (например [23; 34]), социально-когнитивных условий и динамики человеческого поведения (например [102]), роли автобиографии и жизненных нарративов в понимании жизни в целом (например [95; 131]), а также исследованиям единичных случаев (например [97; 107]). Когда психологи личности стали обращаться к человеческой жизни, они обнаружили, что понятия вроде «история» или «нарратив» оказываются особенно полезными, когда требуется передать согласованность, осмысленность жизни. С. Томкинс [141], Д. Макадамс [81], Г. Херманс и Х. Кемпен [56] сформулировали новые нарративные теории личности, приспособивая к психологии личности понятия литературного и драматургического дискурса.

В то же самое время ученые в области психологии развития [98], социальной [106], когнитивной [126], клинической психологии [60], психологического консультирования [114] и индустриальной психологии [115] проявляли все большую заинтересованность в историях и нарративной методологии. Психотерапевты стали использовать нарративную психотерапию [145], особенно в работе с семьей. Постепенно психологический

тезаурус наполнился такими терминами, как *жизненные сценарии*, *Я-нарративы*, *схемы историй*, *грамматика историй*, *личные мифы*, *воспоминания о личных событиях*, *Я-определяющие воспоминания*, *ядерные сцены*, *гендерные нарративы*, *нарративная согласованность*, *нарративная сложность* и т.п. Сегодня психологи исследуют индивидуальные истории жизни [87], истории близких взаимоотношений [136] и семейные истории [38]. Сейчас психологи стали гораздо более восприимчивыми к силе социальных мифов и культурных нарративов и к тому, как они определяют человеческое поведение в социальном контексте [48]. Приумножение методов и понятий, связанных с историями и нарративами, указывает на то, что Т. Сарбин [124], возможно, оказался прав в своем предсказании того, что понятие *нарратива* может стать новой корневой метафорой для психологии в целом.

В своей модели идентичности как жизненной истории Д. Макадамс [81; 82; 84] утверждает, что идентичность сама по себе может принимать форму истории, которая содержит в себе некую обстановку, сцены, персонажей, сюжет и главную тему. В старшем подростковом возрасте, юношестве и ранней взрослости люди начинают реконструировать свое прошлое, воспринимать свое настоящее и предвосхищать будущее в терминах некой интернализированной развивающейся Я-истории (*self-story*), которая в определенной степени сообщает жизни современного человека психосоциальное единство и осмысленность. Жизненные истории основываются на биографических фактах, но выходят далеко за их пределы, поскольку люди избирательно считают какие-то аспекты своего опыта подходящими и в воображении перестраивают прошлое и будущее, чтобы создать такие истории, которые будут обладать для них самих и их аудитории смыслом, такие истории, которые

оживляют жизнь и делают ее целостной и более-менее осмысленной. Жизненные истории – это психосоциальные конструкции, соавторами которых является сам человек и тот культурный контекст, в который жизнь человека встроена и который этой жизни придает смысл. Таким образом, индивидуальные истории жизни отражают культурные ценности, нормы и убеждения относительно пола, расы и классовых различий. Жизненные истории можно понять в определенных культурных рамках, и в то же время они отличают одного человека от другого.

То, каким образом люди отличаются друг от друга по своим Я-определяющим (*self-defining*)** жизненным историям, не сильно отличается от того, как они различаются по другим, более общепринятым психологическим характеристикам, таким, как черты, мотивация, интеллект и т.п. Жизненные истории можно сравнивать между собой и противопоставлять друг другу по выраженности таких параметров, как личная активность и самоутверждение (*agency*) в противоположность единению с другими (*communion*) [8; 131], порча (поражение, загрязнение) (*contamination*) в отличие от компенсации (возмещение, искупление, спасение) (*redemption*)*** [76; 77; 90]. Жизненные истории отличаются одна от другой по структурной сложности [81; 149], согласованности и понятности [7]. Развивающаяся, динамичная жизненная история человека – это ключевой момент, составляющий индивидуальность данного конкретного человека, помещенного в определенную семью, окруженного друзьями и знакомыми [139], живущего в конкретном обществе в конкретный исторический период [48].

** Здесь и далее вставки в круглых скобках на английском языке сделаны переводчиками с целью пояснения исходной терминологии (*прим. переводчиков*).

*** Далее см. подробнее (*прим. переводчиков*).

Цель данной статьи состоит в том, чтобы максимально полно изложить понятия теории идентичности как жизненной истории в контексте современных исследований и теоретических разработок в когнитивной и культурной психологии, психологии развития и психологии личности. Идея того, что идентичность – это интернализированная жизненная история, созвучна со значительным числом важных тем в этих подразделах психологии и синергически сплетается с исследованиями в области развития самопонимания, автобиографической памяти, структуры личности и ее изменения, а также сложных взаимоотношений между жизнями отдельных людей и современной культурой. Сегодня психология жизненных историй уже не кажется теоретической причудой и может сыграть важную интегрирующую роль в научном изучении человеческого поведения и опыта.

Психология развития: от Я к идентичности

Что такое идентичность?

В своей модели идентичности как жизненной истории Д. Макадамс [81] отталкивается от возрастно-психологического понятия Эго-идентичности, введенного Э. Эриксоном [37]. Эриксон утверждал, что в позднем подростковом, юношеском возрасте и в возрасте ранней зрелости (это пятая стадия развития, в его модели их всего восемь) люди впервые сталкиваются с проблемой идентичности в противоположность диффузии ролей. Именно в это время люди впервые исследуют возможности идеологии и выбора профессии, которые предлагает общество, и экспериментируют с широким диапазоном социальных ролей. Цель этого – интеграция убеждений и ценностей в единую личную идеологию и принятие ответственности за осуществление определенных жизненных проектов и планов, которые смогут осмысленно поместить человека в новые ниши в обществе [74].

Именно в течение этого периода развития люди впервые пытаются как-то объединить различные роли, которые они играют, различные таланты, способности, вовлеченность в социальные отношения в некую конфигурацию мышления и деятельности, которая обеспечивает жизнь своего рода видимостью психосоциального единства и целесообразности [16].

Идентичность, таким образом, — это интегрирующая конфигурация Я-в-мире-взрослых. Она выполняет функцию объединения двумя путями. Во-первых, синхронически — идентичность сводит воедино широкий диапазон различных и, возможно, конфликтующих ролей и взаимоотношений, сосуществующих в жизни конкретного человека «здесь и сейчас»: «Когда я общаюсь с отцом, я чувствую себя хмурым и подавленным, но когда я с друзьями, я переполнен оптимизмом и любовью ко всему человечеству». Идентичность должна интегрировать две эти вещи таким образом, чтобы они, несмотря на их очевидное различие, могли бы рассматриваться как взаимно дополняющие части одной и той же конфигурации Я. Во-вторых, интегрирующая функция идентичности должна осуществляться и в диахроническом модусе, т.е. во времени: «Раньше я любил играть в бейсбол, но теперь я хочу стать социальным психологом», «Я был крещеным христианином, но теперь я чувствую себя агностиком». Идентичность должна сводить воедино эти элементы таким образом, чтобы они, хотя и контрастирующие, могли бы быть осмысленно увязаны друг с другом в некой временной последовательности. Иначе говоря, идентичность становится проблемой тогда, когда подросток или юноша (девушка) впервые осознает, что он(она) является или может являться множеством различных и подчас взаимно противоречивых вещей и испытывает сильное желание (поддерживаемое обществом) стать неким единым (большим и целос-

тым) существом. Конечно, абсолютное внутреннее единство и целесообразность жизни в реальности недостижимы и даже едва ли желательны [45; 85]. Тем не менее в концепции идентичности Эриксона подчеркивается интегративная тенденция в Я, которая начинает ярко проявляться в том возрастном периоде (старший подростковый возраст и примерно до середины третьего десятилетия жизни), который позже был обозначен Дж. Арнеттом [6] как «зарождающаяся взрослость» (*emerging adulthood*). До этого момента никакой идентичности нет.

Но это не значит, что до этого периода нет никакого Я. Неверно было бы также сказать, что до позднего подросткового возраста люди не знают, «кто они такие». Спросите у любого ребенка в возрасте десяти лет или даже трех. Они способны рассказать вам, кто они такие. Они скажут, как их зовут. Они смогут перечислить черты, роли, отношения с людьми, любимые блюда, вещи, которые им нравятся и не нравятся, и т.д. Было бы абсурдным предполагать, что у детей отсутствует переживание Я. Однако, с точки зрения Эриксона, у них обычно нет идентичности, поскольку интеграция самости еще не стала для них психосоциальной проблемой. Эриксон (и Макадамс) используют термин «идентичность» в более узком, техническом смысле, чем он сейчас употребляется в психологии, социологии и обыденной речи. В модели идентичности как жизненной истории, предложенной Макадамсом, идентичность не является синонимом Я или Я-концепции, или представления — «что я за человек», идентичность, скорее, относится к определенному качеству, свойству человеческого самопонимания, способу организации Я. Человек «обладает» идентичностью в той степени, в какой его самопонимание осмысленно организовано синхронически и диахронически, обеспечивает ему помещенное в психосоциальную нишу и придает его

жизни некоторую степень единства и целесообразности. В период зарождающейся взрослости, по Макадамсу, люди начинают сводить свою жизнь воедино и выстраивать ее в согласии с некой «Я-определяющей» (*self-defining*) историей. Именно эта история организует самость синхронически и диахронически, объясняя, почему с друзьями я весел, а с отцом мрачен, и как это мне удалось — шаг за шагом, эпизод за эпизодом — превратиться из крещеного христианина, увлекающегося бейсболом, в социального психолога-агностика.

Почему же идентичность возникает столь поздно? Почему до позднего подросткового возраста люди не озабочены единством, осмысленностью, интеграцией и пр.? Эриксон, демонстрируя свои фрейдистские корни, объясняет эту временную привязку развитием сексуальности. Прорыв генитальной сексуальности в подростковом возрасте помогает запустить проект идентичности, т.к. указывает на приближение полновесного статуса взрослости в том, что касается любви и работы. Переходный возраст приводит к изменениям в том, как выглядит и что ощущает тело; в результате человек понимает, что он больше уже не ребенок, и тем самым меняется восприятие его собственной личной истории: «Я не знаю, кто я сейчас, знаю лишь, что я не тот, кем был раньше» [81]. Детство становится вспоминаемым прошлым, а взрослость — ожидаемым будущим.

Не менее важно то, что, как подчеркивал Эриксон, на идентичность влияют меняющиеся социальные взаимоотношения и ожидания общества. «Для идентичности молодого человека очень важно участие в чем-то, наличие функций и статуса человека, чьи постепенный рост и трансформация являются осмысленными для тех, кто имеет значение для него» [36, р. 111]. Родители, учителя в старшей школе, братья и сестры, друзья, работники высших учебных заведений, мир бизнеса, средства

массовой информации и многие другие аспекты современного общества явно или скрыто заставляют подростков или молодых людей «входить в жизнь» (*get a life*) [51]. В это время человеку необходимо принять определенные решения, касающиеся будущего, обучения, армии и работы, а для некоторых — брака и семьи. В целом западное общество «ожидает», что подростки и юноши начнут исследовать то, что предлагает им общество в плане возможной работы, личных взаимоотношений и идеологии. В результате они должны будут принять решения, взять на себя ответственность и признать за собой, может быть, лишь временно, какие-то отдельные ниши взрослого мира. Это значит, что и общество, и человек — рождающийся взрослый — готовы к экспериментам с идентичностью к тому времени, когда человек действительно входит в период зарождающейся взрослости. Эриксон писал об этом: «Этот период можно рассматривать как мораторий, во время которого человек путем свободного ролевого экспериментирования может найти для себя нишу в какой-то части общества, нишу, которая четко определена, но все же кажется соответствующей ему. Найдя эту нишу, молодой человек обретает чувство уверенности во внутренней продолжающейся самотождественности и социальной тождественности, которая станет мостом между тем ребенком, каким он был раньше, и тем взрослым, которым он собирается стать. Эта ниша цементирует его представления о себе и даст ему возможность социального признания» [36, р. 111].

Средством для возникновения идентичности на этом этапе жизненного пути могут стать достижения в когнитивном развитии. Вслед за Л. Брегером [16] и Д. Элкиндром [33] Д. Макадамс [81] утверждает, что операциональное мышление в юношеском возрасте является когнитивной основой для исследования экспериментов с идентичностью. Когда склады-

ваются формальные операции, молодой человек может вовлекаться в гипотетико-дедуктивное мышление и систематически проигрывать бесконечное число гипотетических сценариев и идеалов и видеть, в какой мере они могут быть применимы к его собственной жизни. Идентичность становится особенно привлекательной абстракцией для абстрактного мыслителя. Согласно Л. Брегеру, «Идея единого или целостного Я, в котором [соединяются] воспоминания о прошлом, о том, кем человек был, теперешние впечатления от того, кем человек является, и будущие ожидания от того, кем он станет, является некой абстракцией, о которой ребенок просто не может думать. [Но] с возникновением в подростковом возрасте формальных операций целостность, единство и интеграция становятся реальными внутренними проблемами» [16, р. 333].

Идея о том, что жизнь человека, настолько сложная и динамическая, насколько она кажется и все больше становится таковой, может быть встроена в осмысленную и целесообразную целостность, таким образом, может представлять особенно привлекательную возможность для юноши, обретшего средства для саморефлексии. С точки зрения Макадамса, юноши и девушки начинают работать над данной интеграцией, выстраивая свою жизнь в некую культурно осмысленную историю. Таким образом, Т. Хабермас и С. Блэк [51] утверждали, что конструирование целостных жизненных историй требует когнитивных орудий, к которым у людей нет полного доступа до старшего подросткового возраста, юношества или вхождения во взрослость. Согласно Хабермасу и Блэк, полноценное формулирование жизненных историй требует понимания четырех типов согласованности: временной, биографической, причинно-следственной и тематической. Эти четыре типа согласованности начинают появляться еще в детстве, но они возникают на

разных стадиях развития и развиваются с разной скоростью, и только в юношеском возрасте они складываются полностью и становятся пригодны к использованию для формирования идентичности.

Развитие жизненной истории

Истории обычно рассказывают о пертурбациях человеческого намерения во времени [20; 116]. Практически во всех «понятных» историях люди или подобные им существа действуют, чтобы достичь своего намерения, в результате чего появляется последовательность событий или реакций, существующих во времени как сюжет. Человеческая интенциональность лежит в самом сердце нарратива, и, таким образом, развитие интенциональности у людей представляет особую важность для обеспечения психических условий, необходимых для рассказывания и понимания историй. Недавние исследования на младенцах показали, что к концу первого и началу второго года жизни люди начинают воспринимать других как интенциональных деятелей и таким образом вовлекаются во взаимодействия, требующие разделенного внимания (*joint attention*) [135; 140]. Например, 16-месячные младенцы имитируют сложные поведенческие последовательности, которые демонстрируют другие люди только в тех случаях, когда эти последовательности действий кажутся намеренными. Как писал М. Томаселло, «Маленькие дети не просто подражают движениям тела других людей; они пытаются воспроизвести намеренные, целенаправленные действия людей в мире» [140, р. 38]. С появлением того, что Д. Деннетт [29] назвал *интенциональной позицией*, дети на втором году жизни могут переживать мир с субъективной точки зрения интенционального деятеля, являющегося причиной собственных поступков. В это время человек имеет возможность принять экзистенциальную позицию мотивированного субъекта,

присваивающего опыт как свой собственный [65; 85]. В наиболее обобщенном смысле, на втором году жизни собирается в единое целое то, что У. Джеймс [62] называл Я-субъективным, т.е. переживание «самости-как-Я» (*self-as-I*). Экзистенциальное чувство «яйности» (*I-ness*) имплицитно и непосредственно воспринимается через интенциональные действия [14].

В качестве интенциональных деятелей люди исполняют собственные желания и действуют в соответствии со своими убеждениями для достижения целей. Истории организуют и связывают воедино эти мотивированные действия, связанные во времени. Основное понимание мотивированного человеческого действия, похоже, развивается в раннем детстве, что показано в литературе по эмпирическим исследованиям «теории сознания» (*theory of mind*) у детей [10; 144]. «Теория сознания» подразумевает способность у нормальных детей приписывать психические состояния, такие, как убеждения, желания и намерения, самим себе и другим людям, чтобы тем самым придавать смысл поведению и предсказывать его. На третьем и четвертом году жизни дети начинают понимать, что люди, так же как и они сами, формулируют желания и убеждения у себя в уме, а потом переводят эти психические феномены в мотивированные действия. Наша житейская «теория сознания» человека утверждает, что люди действуют ради того, чего они хотят достичь, и ради того, во что они верят. Истолкование своих собственных и чужих действий в смысле того, какие желания и убеждения стоят за ними, — это определенная форма «чтения мыслей» (*mind reading*), согласно С. Барон-Коэн [10], и это умение является ключевым для эффективного социального взаимодействия. К тому времени, когда дети идут в детский сад, чтение мыслей происходит легко и естественно. И действительно, кажется, что девочка ест мороженое, потому что «она хочет моро-

женого» — это желание, или что мальчик ищет печенье в коробке от печенья потому, что «он верит, что они там лежат». Но для детей с синдромом аутизма такое чтение мыслей оказывается чрезвычайно сложным, как если бы им никогда не удавалось развить интуитивное переживание того, какие аспекты сознания вовлечены в мотивированное человеческое действие. Дети-аутисты характеризуются тем, что Барон-Коэн [10] называет «умственной слепотой» (*mindblindness*), или слепотой в отношении ума, сознания. Они не воспринимают других людей как интенциональных деятелей или делают это только в ограниченной степени. Подобный недостаток понимания относится и к ним самим, поэтому можно предположить, что в основе глубокого аутизма может лежать печальное своими последствиями расстройство «яйности» и соответствующая неспособность формулировать и сообщать осмысленные нарративы о себе [21; 123].

Человеческое Я рефлексивно. С упрочением Я-познающего (*I*) приходит формулировка Я-наблюдаемого (*me*). То, что У. Джеймс называл объективным Я или Я-как-нечто-обо-мне (*self-as-me*), состоит из всех тех аспектов, которые Я-субъективное приписывает самому себе: каким образом Я (как познающее) видит (знает, представляет, задумывает, формулирует) себя (как познаваемое). На втором году жизни дети начинают приписывать различные дифференцирующие характеристики самим себе, в частности их имя, любимые игрушки, то, что они любят и не любят, и т.д. С развитием языка Я как объект быстро растет и включает широкий диапазон вещей «обо мне», который можно описать словами. В эту смесь обычно включаются воспоминания о тех событиях, в которые Я был(а) вовлечен(а). Согласно М. Хоу и М. Кораж [61], *автобиографическая память* появляется ко второму году жизни, когда у них возникает базовое чувство Я-субъективного и

они начинают рефлексивно выстраивать примитивное понимание Я-объективного. И хотя младенцы могут помнить события более раннего периода (у них есть базовая эпизодическая память), Хоу и Кораж утверждают, что только к концу второго года жизни эта эпизодическая память становится персонализированной, и дети начинают организовывать события, которые они переживают, как «нечто, что произошло со мной». С этого момента и дальше Я-объективное (*me*) расширяется, включая автобиографические воспоминания, которые вспоминаются в виде маленьких историй о том, что происходило в «моей жизни».

Автобиографическая память возникает и развивается в социальном контексте [109; 143]. Родители обычно побуждают детей рассказывать о личных переживаниях, как только дети обретают достаточный словарный запас, позволяющий это делать [41]. С этого времени родители могут брать на себя лидирующую роль в том, чтобы побуждать ребенка рассказывать о прошлом, они напоминают ему о недавних событиях, например, о сегодняшнем завтраке или вчерашнем визите к доктору. Извлекая пользу из этих изначально разговорных подпорок, которыми его обеспечивают взрослые, маленький ребенок вскоре начинает проявлять инициативу в том, чтобы поделиться личными событиями или переживаниями. К трем годам дети уже активно вовлечены в соконструирование своего прошлого опыта в разговорах со взрослыми. К концу дошкольного возраста они могут представить достаточно согласованный рассказ о своих переживаниях без необходимости следовать указаниям или напоминаниям взрослого [40]. В разговорах со взрослыми маленькие дети начинают знакомиться с нарративными структурами, посредством которых люди в этом мире обычно обсуждают события. Разделение личных переживаний с другими функционирует как

главнейший механизм социализации [100] и помогает выстраивать организованную личную историю из растущей базы автобиографических воспоминаний [40].

К тому времени, когда дети обретают способность создавать свои собственные нарративные отчеты о личных воспоминаниях, они также проявляют хорошее понимание канонических черт самих историй. Пятилетние дети, как правило, знают, что истории происходят в определенном времени и пространстве и включают персонажей, которые действуют согласно своим желаниям, убеждениям во времени. Они ожидают, что в историях будет нечто интересное, а если там этого нет, то история получает название скучной и отвергается [18]. Дети ожидают, что история будет соответствовать общепринятой *грамматике историй* [5; 73] или общему сценарию, включающему то, какие типы событий могут включиться и в каком порядке. Например, в простом целенаправленном эпизоде инициирующее событие может заставить протагониста предпринять некий вид действия, за чем последует цепь каких-то последствий и потом реакция на эти последствия с точки зрения протагониста [73]. Ожидается, что у истории есть определенное начало, середина и конец. Конец должен принести разрешение сложностей сюжета, которые были развиты на протяжении истории. Если история не соответствует таким общепринятым соглашениям, дети могут счесть ее запутанной, им сложно ее запомнить, или потом, когда они вспоминают ее, они воспроизводят иную структуру, чем та, которая была рассказана, они упрощают ее. В младшем школьном возрасте дети начинают рассказывать свои личные воспоминания таким образом, чтобы это соответствовало их имплицитному пониманию того, как должны быть структурированы хорошие истории, и что они должны включать. Таким образом, они наделяют свой личный опыт чувством

временной согласованности. Но Т. Хабермас и С. Блак [51] утверждают, что между пятью и десятью годами временная согласованность применяется в основном к единичным автобиографическим событиям, а не к причинно-следственным связям между различными событиями. В это время дети начинают усваивать культурные нормы, касающиеся того, что должна в себя включать история целой жизни. По мере того, как они узнают, что рассказ о жизни начинается, например, с рассказа о рождении и обычно включает в себя ранний опыт пребывания в семье, выход из семьи, географические переезды и т.д., они приобретают понимание того, что Хабермас и Блак [51] назвали *биографической согласованностью*. Культурные нормы определяют конвенциональные фазы жизненного пути и предполагают, какие формы причинно-следственных объяснений имеют смысл в рассказе о жизни [30]. По мере того, как дети изучают биографические конвенции, существующие в культуре, они начинают видеть, как эпизоды их собственной жизни могут быть расположены последовательно и связно, чтобы подчеркнуть культурные представления о биографии.

Однако до подросткового возраста, согласно Хабермасу и Блак, люди не составляют причинно-следственных нарративов для того, чтобы объяснить, как различные события между собой связаны в контексте биографии. *Каузальная*, или *причинно-следственная согласованность* проявляется в том, что в течение подросткового возраста люди прилагают все больше усилий к тому, чтобы нарративные описания собственной жизни объясняли, как произошло какое-либо событие, к чему оно привело и как оно трансформировалось, и как оно какими-то, возможно другими путями, осмысленно связано с событиями их жизни. Черты, отношения, позиции, убеждения и предпочтения теперь могут объясняться

событиями, которые их вызвали. Девочка-подросток может, например, объяснить, почему она отвергает либеральные политические ценности ее родителей, или почему она стесняется противоположного пола, или почему второй год ее обучения в старшей школе был для нее поворотным пунктом в понимании самой себя, опираясь на события и переживания своего личного прошлого. Она отбирает их и во многих случаях реконструирует для того, чтобы представить согласованное объяснение. Согласно принципу *тематической согласованности* она может выделить некую общую тему, ценность или принцип, которые объединят различные эпизоды ее жизни и дадут ей представление о том, кто она такая и о чем рассказывает ее биография. Исследования, на которые ссылаются Хабермас и Блак [51], предполагают, что причинно-следственная и тематическая согласованность в автобиографических воспоминаниях раннего подросткового возраста встречаются редко, но они существенно возрастают в течение подросткового возраста и ранней зрелости. Когда люди входят в возраст зарождающейся зрелости, они уже готовы к конструированию таких историй о прошлой жизни и о себе, которые проявляют и временную, и биографическую, и каузальную, и тематическую согласованность. Автобиографическая память и нарративное понимание развиваются теперь до уровня, где их можно будет призвать на службу формирования идентичности.

Жизненные истории и жизненный путь

Несмотря на то, что когнитивные и психосоциальные предпосылки построения полноценной жизненной истории могут не наличествовать до позднего подросткового возраста и ранней зрелости, не похоже на то, что человек начинает внезапно работать над историей без какой-либо подготовки или фона. Версии жизненной истории могут появляться

раньше, как было отмечено Д. Элкиндо [81] в его работе по *личному мифу* (*personal fable*). Как видно из дневников и других личных источников, подростки могут конструировать фантастические автобиографические истории об их собственном потенциальном величии или уникальности, которые характеризуются высоким уровнем согласованности, но имеют мало отношения к реальности их жизни. Элкинд предположил, что личный миф на протяжении подросткового возраста тускнеет и уменьшается, но можно рассматривать личные мифы как черновики, сырые варианты жизненных историй [81]. Более того, задолго до подросткового возраста дети рассказывают свои личные воспоминания в форме историй, как показывают исследования разговоров между детьми и родителями [40]. Дети накапливают и перерабатывают опыт самых разных видов, который в результате поможет им создать и окажет значительное влияние на общую жизненную историю, которую позже они конструируют, чтобы осмыслить собственную жизнь. Д. Макадамс [82] утверждал, что даже ранние паттерны привязанностей к людям, осуществляющим заботу, могут в дальнейшем отражаться в общем нарративном тоне и качестве, которые демонстрируют истории жизни взрослых. Дети не занимаются открыто построением идентичности в смысле создания обобщающих интегративных жизненных историй, которые снабжают их жизни единством и целесообразностью, осмысленно помещая их в ниши социального мира, но они скрыто собирают материал для тех идентичностей, которые они когда-то будут создавать. Доминирующие образы и темы историй жизни взрослых таким образом могут отражать влияние самых ранних лет жизни.

Хотя полнометражные жизненные истории могут начать проявляться как форматы идентичности в подростковом возрасте, юношеском возрасте и ранней

взрослости, построение идентичности не заканчивается вместе с этой стадией развития. Стадиальная модель развития, предложенная Э. Эриксоном [37], сводила формирование идентичности к единственной психосоциальной стадии — зарождающейся взрослости, но в модели идентичности Д. Макадамса подчеркивается продолжение работы над идентичностью во взрослой жизни. Жизненные истории развиваются и изменяются по мере продвижения по жизненному пути, отражая различные своевременные и несвоевременные события и переходы [25]. Макадамс [82] утверждал, что люди могут работать над различными сторонами или свойствами истории в разные моменты жизни. Например, в позднем подростковом возрасте, в юношестве и в ранней взрослости люди сосредотачиваются, по крайней мере, часть своей работы над идентичностью на кристаллизации базовых ценностей и убеждений, которые придают основу их историям в идеологическом контексте. Способность определить ясную и побуждающую к действиям систему убеждений, которая организует жизнь человека, — это очень мощный механизм установления того, что Т. Хабермас и С. Блак назвали тематической согласованностью в жизненной истории. В молодости и в период ранней зрелости многие американские мужчины и женщины фокусируют свою работу с идентичностью на формулировке и уточнении основных персонажей истории или личных *имаго*. Имаго — это идеализированная персонификация Я, которая функционирует в качестве протагониста в истории [80]. В чем-то родственные «возможным я» Х. Маркус и П. Нуриус [75], они персонифицируют важные мотивационные тенденции в жизненной истории, например, сильное стремление к власти, достижению или близости [81]. Построение имаго помогает собрать жизнь воедино, интегрировать ее путем введения в нарративный фор-

мат различных персонификаций «Я-объективного» — «я как любящая жена», «я как ярая феминистка», «я как самоотверженная мать», «я как маленькая девочка, которая стремилась уехать из города», «я как будущая пенсионерка, которая уедет в деревню» и т. д. Конструируя жизненную историю, которая собирает вместе широкий диапазон характеристик Я или имаго, взрослый человек может разрешить парадокс, впервые обозначенный У. Джеймсом как «я единое во множестве» [67, р. 676].

Середина жизни может быть связана с существенной работой над идентичностью для многих современных взрослых. Теоретики психологии жизненного пути писали о том, каким образом осознание того, что жизнь уже наполовину прожита, может вывести на первый план беспокорство об утрате, о смертности, и это может стимулировать актуализацию давно подавленных тенденций, например, традиционно маскулинных тенденций в женщинах и женских в мужчинах [50; 70]. Теории жизненного пути подчеркивают изменение социальных ролей и взаимоотношений в середине жизни и сдвиг напряжений в экологии повседневной жизни [32]. Теоретики различных направлений соглашались в том, что середина жизни может быть психосоциально «основным» периодом в жизни для многих людей, потому что именно в этот период они принимают наиболее влиятельные роли в семье, на работе и в обществе. С точки зрения Э. Эриксона [37], взрослые в идеальном варианте обнаруживают наибольшую «генеративность» в середине жизни по мере того, как они сосредотачивают время, внимание и ресурсы на заботе и воспитании следующего поколения и обеспечении его благосостояния. Огромный всплеск эмпирических исследований в настоящее время подтверждает психологическую и социальную значимость генеративности в середине жизни [91; 112].

В двух различных, но взаимосвязанных смыслах генеративность становится все более важной темой жизненной истории в середине жизни. Во-первых, по мере того, как мужчины и женщины проживают середину жизни, тема заботы о следующем поколении, оставлении хорошего наследия на будущее, отдавания долга обществу за те блага, что человек получил, а также другие мотивы продуктивности все ярче выступают в жизненных историях [92]. Во-вторых, по мере того как взрослые проживают середину жизни, они все больше начинают задумываться о том, какая «концовка» будет у их жизненных историй. В самой природе истории заложено, что начало и середина всегда приводят к концовке, и эти концовки обеспечивают истории ощущение завершенности и разрешения [66]. Комплекс образов и язык генеративности обеспечивают взрослых особенно привлекательным способом задумываться о «конце» истории, даже если они глубоко погружены в середину своего жизненного потока. Предположив, что усилия человека могут порождать какие-то продукты, результаты, которые переживут его самого, оформляя свою жизненную историю на языке этого добра и этих людей, которые станут наследием данного человека, повествования жизни, подчеркивающие продуктивность, скрыто обеспечивают истории тем, что может быть воспринято как хорошие, удовлетворительные концовки [68; 81]. Эти концовки в свою очередь «отбрасывают» влияние на начало истории и ее середину. Поэтому не должно быть удивительным то, что в середине жизни человек в значительной степени пересматривает свою жизненную историю, работает над ней, создает новые образы отдаленного прошлого в свете меняющихся психосоциальных проблем и задач зрелого возраста и изменений понимания того, что может принести ближайшее и отдаленное будущее.

Когнитивная психология: автобиографическая память и Я

В течение последних пятнадцати лет когнитивные психологи проявляют все больший интерес к тому, каким образом люди кодируют, хранят и вновь извлекают информацию, относящуюся к событиям реальной жизни людей и их личному опыту [108; 113; 133]. Значительная часть этих трудов попадает в раздел «автобиографической памяти». Когнитивные психологи сфокусировали свое внимание на относительной истинности вспоминаемых событий, на тех причинах, которые заставляют нас помнить одни события и забывать другие, и на организации автобиографического знания. Тема, постоянно всплывающая в этой литературе, — то, что автобиографическая память помогает разместить и определить Я в разворачивающейся жизненной истории, которая в то же самое время в значительной степени ориентирована на цели в будущем.

Со времен Ф. Бартлетта [13] до наших дней исследователи человеческой памяти горячо обсуждали вопрос истинности, подлинности того, до какой степени являются воспоминания о жизненных событиях аккуратным отчетом о том, что в действительности произошло, или же это предвзятые реконструкции прошлого. Этот вопрос, конечно, является важным в научном смысле, но также он привлекает широкое внимание общественности в течение последних двух десятков лет из-за «подавленных воспоминаний» со все возрастающими подозрениями в законодательных кругах по поводу надежности свидетельских показаний. То есть, с одной стороны, у нас имеются теории, что человек запоминает все в своей биографии очень точно, например в работах Р. Брауна и Дж. Кулика [19], посвященных воспоминаниям-вспышкам (*flashbulb memories*), которые утверждают, что жизненные события определенного рода, особенно неожиданные или очень

важные, запоминаются ярко и в подробностях. С другой стороны, имеются теории реконструкции (например, [9]), указывающие, что во многих случаях воспоминания людей содержат ошибки, основанные на их схемах обработки информации. Для примера, С. Беркли [9] рассматривал автобиографическую память как форму импровизации, в которой человек составляет более или менее подходящее описание прошлого, функция которого — в первую очередь поддержание личной согласованности, а не обеспечение объективного отчета о том, что произошло у человека в жизни. Можно провести исследования, говорящие в пользу обеих точек зрения.

Некоторые авторы принимают промежуточную позицию. У. Брюер, в частности, утверждал, что «воспоминания о недавних событиях содержат довольно большое количество конкретно-специфичной информации и изначального опыта переживания, но со временем или под воздействием процессов переработки информации опыт может быть реконструирован, в результате чего возникает новое, неподлинное личное воспоминание, которое содержит в себе большинство феноменальных характеристик других воспоминаний» [17, р. 44].

Похожим образом Ч. Томпсон и коллеги [138] считают, что память на недавние события в большой степени репродуктивна, но память на отдаленные события реконструктивна. Д. Шехтер [125] заключает, что «...система памяти в целом, и автобиографическая память в особенности делают очень хорошую работу по сохранению контуров прошлого и правильному воспроизведению многих важных вещей, которые с нами случились. [И все же], наши [автобиографические] истории строятся из множества различных составляющих, кусочков того, что случилось в действительности, мыслей о том, что могло бы случиться, и убеждений,

которые руководят нами, когда мы пытаемся вспомнить» [125, р. 308].

М. Росс [119] отмечал, что общество не могло бы успешно функционировать, если бы люди не могли рассчитывать на определенную степень точности своих собственных и личных воспоминаний других людей. Росс предположил также, что люди в некоторых случаях слишком полагаются на подлинность своих собственных и чужих воспоминаний. Это заключение было сделано по результатам недавнего исследования, показавшего, что точность воспоминаний студентов о новостях, которые они слышали о вердикте О. Дж. Сипмсона, за 32 месяца существенно снизилась [127], и другого исследования, в котором было выявлено, что воспоминания мужчин в возрасте середины жизни о своем подростковом опыте очень слабо совпадают с документированной реальностью этих переживаний, несмотря на то, что эти мужчины среднего возраста очень настаивали на подлинности своих воспоминаний [110].

Как же устроено автобиографическое знание? М. Конуэй и К. Плейделл-Пирс [27] представили интегративную иерархическую модель системы «Я-память» (Self Memory System, SMS), которая объединяет автобиографическую базу знаний с личными целями. Согласно М. Конуэю, автобиографические воспоминания содержат информацию на трех различных уровнях конкретности: периоды жизни, общие события и знания, связанные с конкретными событиями (*event-specific knowledge*). Периоды жизни отмечают относительно крупные сегменты автобиографического времени — «когда я учился в начальной школе», «во время моего первого брака», «пока дети были маленькими» и т.д. По масштабу они сходны с тем, что Д. Макадамс [81] назвал *главами* в жизненной истории. Внутри периода жизни может быть представлено «общее знание о значимых других, знакомых местах, действиях, за-

нятиях, планах и целях» [27, р. 262], так же как и оценочное отношение ко всему этому периоду (например: «это было время, когда у меня не все ладилось»). На втором уровне конкретности находятся так называемые общие события, которые отражают знание об общих категориях сходных событий (например «те вечеринки, на которые я ходила в колледже» или «вечера, которые я провела, работая нянькой»). Л. Барсалу [12] и коллеги обнаружили, что многие автобиографические воспоминания — это обобщенные события, содержащие обобщенную или слитую информацию из набора связанных автобиографических эпизодов. Одна важная черта кластеров общих событий заключается в том, что они высвечивают память о событиях, связанных с достижением цели или невозможности их достичь. Наконец, М. Конуэй и К. Плейделл-Пирс [27] выделили знание, связанное с конкретными событиями, — воспоминания об особых деталях конкретных сцен из прошлого. По масштабу и конкретности автобиографическое знание на этом, третьем, уровне параллельно тому, что Д. Макадамс [81] обозначил как «ядерные эпизоды» или конкретные, специфические, последовательные сцены в жизненной истории, такие, как «высшие точки», «низшие точки» и «поворотные моменты».

По М. Конуэю и К. Плейделл-Пирсу, цели выполняют функции контроля в системе «Я-память», модулируя конструирование воспоминаний. Автобиографические воспоминания кодируются и позже извлекаются такими способами, которые служат целям человека. В этом смысле актуальные цели влияют на то, как усваивается и организуется автобиографическая информация. Цели создают модели воспроизведения для организации процессов поиска позже. Связанным образом база автобиографических знаний помогает создать основу для целей человека. Люди формулируют цели на будущее,

которые каким-то осмысленным образом следуют за информацией, закодированной в периодах жизни, обобщенных событиях и знаниях конкретных событий. «Суть этой связи в том, что невозможно выбирать цели как заблагорассудится или ставить их нереалистичными; цели встроены в систему Я-память, они определенным образом отражены как в действующем Я, так и в архивных связях базы знаний» [27, р. 271]. Включенность целей в организацию автобиографической памяти — это центральная идея теории понимания и вспоминания эмоциональных событий Н. Стейн и коллег [134]. Они выдвинули теорию «интеллектуального, мотивированного воспоминания, движимого целями и желаниями человека, так же как и динамическим рабочим знанием о внешней реальности и о способах, которыми эта реальность ограничивает или помогает достижению целей» [134, р. 15]. Для того чтобы проиллюстрировать то, что цели влияют на кодирование памяти о событиях, Стейн и коллеги сослались на исследование [4], в котором испытуемые читали абзац, описывающий интерьер дома, получив инструкции читать либо с точки зрения потенциального покупателя этого дома, либо с точки зрения грабителя. Когда испытуемые читали с точки зрения грабителя, они запомнили гораздо больше ценных предметов, которые можно было вынести, таких, как цветной телевизор, например. Когда они читали с точки зрения потенциального покупателя, то обращали больше внимания на моменты, влияющие на цену дома, например, протечка в крыше. В обоих случаях вспоминающий представляет довольно точный отчет о прочитанном, но цели во время кодирования определяют достойное вспоминания. Цели обычно связаны с эмоциями, а воспоминание об эмоциональных событиях, как правило, связано со стремлением к той или иной цели. По мнению Стейн, переживание эмоций в

каком-то конкретном событии всегда активизирует процесс причинно-следственного вывода, результат которого становится частью эмоционального события. Другими словами, когда человек переживает в какой-то жизненной ситуации чувство, он уже скрыто или явно оценил значение этой самой ситуации в терминах ее причин, и, возможно, последствий, и в терминах того, в какой степени это может препятствовать достижению ее целей. Таким образом, эмоции предоставляют согласованность автобиографической памяти, помогая организовать события как истории, основанные на цели.

Эмоции могут быть особенно важны в конструировании того, что Дж. Зингер [130; 132] назвал «Я-определяющими воспоминаниями» (*self-defining memories*). Я-определяющие воспоминания — это некий эпизод из прошлого, «живой, аффективно нагруженный, повторяющийся, связанный с другими сходными воспоминаниями и относящийся к какой-то неразрешенной теме или длящейся заботе в жизни человека» [132, р. 13]. К. Моффит и Дж. Зингер [104] собрали нарративные отчеты о Я-определяющих воспоминаниях и отчеты о личных стремлениях или целях у студентов колледжа. Они обнаружили, что студенты, сообщающие больше Я-определяющих воспоминаний, связанных с достижением их целей, переживали больше положительных эмоций по поводу этих воспоминаний. В дополнение к этому студенты, сообщавшие о большом количестве целей, которые включали избегание нежелательных исходов вместо того, чтобы стремиться к желаемым исходам, приводили меньше Я-определяющих воспоминаний с позитивными эмоциональными темами. Дж. Зингер [131] документировал также роль Я-определяющих воспоминаний в жизни мужчин, страдающих алкогольной или наркотической зависимостью. Он обнаружил, что излечение от зависимости включает переписывание

жизненной истории таким образом, чтобы она включала Я-определяющие воспоминания, подчеркивающие способность к личному достижению и межличностным отношениям.

Я-определяющие воспоминания – это такие эпизодические воспоминания, которые подпадают под категорию «воспоминания о личных событиях» (*personal event memories*) Д. Пиллемера [113]. Пиллемер выделил пять критериев «воспоминания о личном событии». Воспоминание о личном событии должно: а) представлять специфическое событие, которое свершилось в определенное время в определенном месте, это не должно быть некое суммарное событие или расширенная серия событий; б) содержать подробный отчет о личных обстоятельствах человека во время события; в) оно должно пробуждать чувственные образы или телесные ощущения, которые влияют на ощущение «переживания вновь» или «оживление» этого события; г) оно должно соединять детали и образы с определенным моментом или моментами актуального феноменального переживания; д) человек должен верить, что это истинное отражение того, что в действительности происходило.

Память о личных событиях бывает очень разная: некоторые воспоминания живые и последовательные, другие кажутся такими приземленными или имеющими небольшое значение для определения Я. Среди воспоминаний о личных событиях для определения Я наиболее, вероятно, подходят следующие: а) те, что сами являются памятными сообщениями или в явном виде содержат «послание», ставшее руководством к действию или моральной директивой для человека; б) символические послания или события, которые интерпретируются человеком как содержащие скрытый урок или руководство к действию; в) события-источники чего-либо или воспоминания, которые содержат информацию о возникновении какого-то

интереса, занятия, позиции, отношения, жизненной цели и т.д.; г) «якорные» события или воспоминания, которые подтверждают или подкрепляют текущие интересы, отношения или обязательства; д) «аналогичные» события или эпизоды, которые легко сравнить с другими событиями, предполагающие какой-то паттерн или тему, проходящую сквозь жизненную историю человека [113].

Понятие Я-определяющих воспоминаний Дж. Зингера и список автобиографических воспоминаний, которые могут занять важное место в жизненной истории, предложенный Д. Пиллемером, подкрепляют предположение о том, что некоторые эпизоды в памяти могут оказаться более важными для самоопределения, чем другие. В связи с этим Дж. Робинсон и Л. Тейлор [117] сделали важное разделение между автобиографическими воспоминаниями и Я-нарративами. Они указали, что люди помнят множество эпизодов своей жизни, довольно обыденных и имеющих мало отношения к их Я-концепции. Автобиографическая память, таким образом, содержит широкий диапазон личной информации и опыта. Я-нарративы, в отличие от нее, «состоят из набора тематически и темпорально упорядоченных выдающихся переживаний, составляющих идентичность человека» [117, р. 126]. Согласно Робинсону и Тейлору, неясно, следует ли относить Я-нарративы к разряду всего того, что считается автобиографической памятью. Я-определяющие события и некоторые другие выдающиеся эпизоды можно рассматривать как часть Я-нарратива, но Я-нарратив может также включать знание, которое не является в техническом смысле частью базы автобиографических знаний. Эта позиция согласуется с утверждением Д. Макадамса о том, что идентичность – это жизненная история. Интернализированная, развивающаяся история, которая обеспечивает жизнь человека некоторой степенью единства и целенаправленности,

содержит в себе Я-определяющую информацию, связанную с жизненными периодами, общими событиями и знаниями о конкретных событиях [27]. Но жизненная история не включает в себя весь огромный объем нашей автобиографической памяти. Она содержит материал, который не мог бы открыто входить в базу автобиографических знаний. Это воображаемое будущее человека «как я представляю себя через 10 лет», «что, я думаю, еще со мной произойдет», «что я оставлю после себя».

Тем не менее существует значительный переключатель между знанием об эпизодах, которое когнитивные психологи помещают в автобиографическую память, и личными целями и планами, которые Д. Макадамс включает в понятие идентичности как жизненной истории. Подобно многим когнитивным психологам Макадамс [81] принял умеренно реконструктивный взгляд на автобиографические воспоминания. Личные цели и другие намерения придают форму кодированию и воспроизведению Я-определяющих воспоминаний и других составляющих жизненной истории. Реконструирование искажает воспоминания, особенно очень давние. Но для жизненных историй самая большая доза реконструкции может включать не искажение правды, а некую избирательность и истолкование событий [15]. Люди отбирают и интерпретируют отдельные воспоминания как Я-определяющие, обеспечивая им привилегированный статус в жизненной истории. Другие потенциальные кандидаты на этот статус принижаются. Их относят к категории «ах, ну да, конечно, я это помню, но я не считаю, что это важно» или вообще забывают. Таким образом, идентичность в определенной степени является продуктом выбора. Мы выбираем события, которые мы считаем наиболее важными для того, чтобы определить, кто мы такие, и выбираем те события, которые обеспечивают нашу жизнь некой степенью единства

и целесообразности. Мы наделяем их символическими посланиями, уроками, которые мы извлекаем, интегративными темами и другими личностными смыслами, которые дают нам возможность осмысленно использовать их в настоящем по мере того, как мы взираем на прошлое и ожидаем будущего.

Сила избирательности очевидна в хорошо известном феномене «всплеска воспоминаний» (*memory bump*) [39; 121]. Люди склонны вспоминать непропорционально большое количество автобиографических событий из периода примерно с 15 до 25 лет. Кроме того, имеются указания, что эпизодическая память этого периода особенно богата эмоциональным и мотивационным содержанием [139]. Дж. Фицджеральд [39] и М. Конуэй [27] предположили, что взрослые выбирают события в основном из этого отрезка жизненного пути потому, что во время подросткового возраста, юности и ранней зрелости они более всего озабочены формированием своей идентичности [37]. С точки зрения модели идентичности как жизненной истории Д. Макадамса эта интерпретация вполне осмысленна. Как указывает Дж. Фицджеральд [39], примерно в период этого «бума воспоминаний» молодые люди впервые сталкиваются с проблемой идентичности в современном обществе и активно формулируют интегрирующие жизненные истории, чтобы дать ответ тем вызовам, с которыми они сталкиваются. Следовательно, они с большей вероятности будут кодировать личные события, случившиеся в эти годы, как имеющие отношение к их психосоциальной цели построения идентичности. Далее возможно, что в подростковом возрасте, в юности и в ранней зрелости появляется непропорциональное количество эпизодов – кандидатов на то, что Д. Пиллемер [113] определил как *символические сообщения, события-источники, якорные события* и другие Я-определяющие воспоминания. Более

того, возможно, события такого рода могут послужить созданию особенно хороших историй. Поэтому неудивительно, что история об обретении совершеннолетия (*coming of age*) — очень важная вещь в современной беллетристике и кинематографе, а *миф о герое*, полный приключений переход от детства к взрослости — это излюбленный всеми культурами миф на все времена [22].

Психология личности: черты, адаптация и истории

Среди многих классических теорий личности, сформулированных в первой половине XX века (например [52]), лишь в немногих из них истории жизни людей были оценены как некие окна, позволяющие заглянуть в динамику личности и ее диспозиции. Например, З. Фрейд [43] использовал истории — сны пациентов как направляющие намеки для свободного ассоциирования, что в свою очередь использовалось для того, чтобы перевести в сознание скрытое значение снов. А. Адлер [1] рассматривал нарративные отчеты о наиболее ранних воспоминаниях как символизации общего стиля жизни человека. Г.А. Мюррей [105] использовал истории, которые люди сочиняют при рассматривании рисунков как средство для изучения индивидуальных различий в человеческой мотивации. Но во всех трех приведенных примерах истории рассматривались как методические средства для достижения концептуальных целей. Проще говоря, традиционный подход к личности указывал на то, что психологи могут использовать истории для того, чтобы узнать какие-то другие, более важные вещи о людях, такие, как черты, мотивы, комплексы, конфликты и т.п.

Однако, начиная с *теории сценариев* (*script theory*) Сильвана Томкинса [141], психологи личности стали рассматривать возможность того, что история сама по себе является чем-то заслуживающим

изучения. Томкинс предположил, что центральным структурным элементом человеческой личности являются интернализированные сцены и сценарии. С ранних лет жизни и далее, утверждал Томкинс, человек подходит к жизни как драматург, бессознательно конструируя я-определяющие сцены и укладывая их в паттерны историй, руководимые правилами построения сценариев. Таким образом, можно исследовать индивидуальные различия в том, какие сцены и сценарии формируют сознание человека и руководят его поведением. Вслед за Томкинсом психологи личности выстроили новые, основанные на нарративах, теории личности, подчеркивая жизненные истории, некие сюжеты и эпизоды, персонажи, голоса, диалог и т.п. (например [48; 55; 81]). Среди психологов личности интерес к нарративным построениям и нарративным методам постепенно нарастал в 1980–90-е годы [87]. Следует отметить, что в тот же временной период область психологии личности засвидетельствовала существенный теоретический и эмпирический прорыв на других фронтах, например в области эволюционных подходов к изучению людей, исследования диспозиций, а также в теории и эмпирических исследованиях социально-когнитивных схем и целей [88].

Куда же в этом большом разбросе всего, что касается личности, попадают истории? Согласно Д. Макадамсу [83, 88], личность можно рассматривать с трех различных точек зрения, на трех различных уровнях. Каждая точка зрения, или уровень, обеспечивает свой собственный уникальный дискурс для понимания человеческой индивидуальности и определяет предпочтительную методологию. Первый уровень — это уровень *личностных диспозиций* или *черт*. Черты (*traits*) — это нечто глобальное, стабильное, линейное, это сравнительные измерения человеческой индивидуальности, которые обозначаются такими терминами, как

«экстраверсия», «ответственность» и «депрессивность». В качестве таковых черты отвечают за согласованность поведения, мышления и переживаний в различных ситуациях с течением времени. Они часто и весьма адекватно воспринимаются как существующие относительно внеконтекстно, внеситуативно и не зависящие от обстоятельств аспекты личности.

На втором уровне находятся *характеристические адаптации* (*characteristic adaptations*) — это личные цели и мотивы, механизмы защиты и стратегии совладания, ментальные репрезентации Я и «другого», ценности и убеждения, задачи развития и заботы, связанные с какими-либо возрастными стадиями, предметные навыки, интересы и другие личностные характеристики, встроенные в контекст времени, пространства или социальной роли. Если черты обеспечивают краткий очерк человеческой индивидуальности, то характеристические адаптации наполняют картину множеством деталей.

Но ни черты, ни характеристические адаптации не говорят непосредственно о проблеме идентичности в том виде, в котором она концептуализируется в этой статье. Что вообще значит человеческая жизнь? Каким образом психосоциальный мир человека оказывается обустроен так, что жизнь обеспечивается некой степенью единства и целесообразности? Как предполагалось, эти вопросы лучше всего получается рассматривать на языке нарратива [20; 114]. Как написал Э. Гидденс: «Идентичность человека не может быть обнаружена ни в его поведении, ни, как бы важно это ни было, в реакциях других людей, но она зависит от способности поддерживать определенный нарратив» [47, р. 54]. Таким образом, третий уровень личности — это уровень интегративных *личных историй* (*life-stories*). Полное научное описание индивидуальности включает исследование и интеграцию психологических феноменов, существу-

ющих на трех различных уровнях. Чтобы понимать отдельного человека, психолог личности должен иметь представление, во-первых, о том, какое место человек занимает на континууме выраженности диспозиционных черт, которые говорят об общих тенденциях в поведении в различных ситуациях и в течение длительного времени; во-вторых, психолог личности должен понимать, каким образом человек адаптируется к мотивационным, социально-когнитивным и возрастным задачам и проблемам, имеющим определенный пространственно-временной или социально-ролевой контекст; в третьих, над какой идентичностью человек работает посредством конструирования историй о самом себе. Индивидуальность (*personality*) — это сложный паттерн черт, адаптаций и историй.

Так же как и в том, что касалось черт и характеристических адаптаций, жизненные истории могут быть категоризованы и классифицированы в отношении индивидуальных различий. Некоторые люди более экстравертны, чем другие, — это первый уровень, некоторые люди используют отрицание как механизм защиты в ситуациях, когда они сталкиваются с властью облеченными, в то время как другие предпочитают справляться посредством интеллектуализации (второй уровень). Некоторые люди конструируют свои жизненные истории на базе классических трагедий, а некоторые используют в качестве основы телевизионные шоу (третий уровень). Хотя это обычно очень трудоемко и требует больших временных затрат, исследования индивидуальных различий в жизненных историях получили весьма большое развитие за последние десять лет. Исследователи были особенно заинтересованы в использовании нарративных методов и понятий в исследовании личностной согласованности и изменений личности, а также в исследованиях взаимоотношений между характеристическими адаптациями

(второй уровень), с одной стороны, и жизненными историями (третий уровень), – с другой [87; 139].

Среди многих видов характеристических адаптаций, которые можно обнаружить на втором уровне личности, социальные мотивы стремления к власти [147] и к близости [78] оказались особенно важными в отношении к жизненным историям. Д. Макадамс [79; 94] и Б. Уэйк [148; 149] провели серию исследований, продемонстрировавших, что индивидуальные различия по мотивам «близости» и «власти», выраженным в Тематическом апперцептивном тесте, в значительной степени связаны с содержательными темами «личной активности» (*agency*) и «общности с другими» (*communion*) [8], соответственно, в том виде, в котором они проявляются в жизненных историях человека. Люди с высокой мотивацией власти подчеркивают «активные» темы овладения собой, статуса, победы, достижения, ответственности и придания силы в Я-определяющих воспоминаниях. Они в значительно большей степени описывают главных персонажей историй (имаго) языком «личной активности», нежели люди, у которых слабая «мотивация власти». Напротив, люди, у которых высокая мотивация к близости, подчеркивают темы общности, дружбы, любви, диалога, заботы о других и чувства сопричастности в значимых сценах своих жизненных историй. Они создают очень общительные, контактные имаго – это персонификации Я как «того, кто заботится», «верного друга» и «любящего». Б. Уэйк и соавторы [148; 149] показали, что социальные мотивы связаны не только с содержанием жизненных историй, но также с когнитивным стилем, который демонстрирует рассказчик, описывая наиболее запомнившееся автобиографическое событие. Люди с выраженной мотивацией власти используют аналитический и дифференцированный стиль, описывая ситуацию достижения.

Они воспринимают больше различий и противопоставлений в значимых сценах своих жизненных историй. В отличие от них, люди с сильной мотивацией близости используют более синтетический, интегративный стиль, описывая ситуации общности. Они выделяют сходства, связи и совпадения, конгруэнтность между различными элементами важных сцен жизненной истории.

Индивидуальные различия в структурной сложности жизненных историй связываются с понятием «стадия развития Эго» (*ego development*) [72], которое является конструктом второго уровня личности. В схеме Дж. Ловинджер люди, находящиеся на относительно высоких стадиях развития Эго, приобретают более индивидуальный и нюансированный взгляд на собственный опыт, в то время как люди со слабым уровнем развития Эго видят свой опыт более «черно-белым», в более конформистских терминах. Д. Макадамс [81] обнаружил, что в сравнении со взрослыми, у которых был низкий уровень развития Эго, взрослые с высоким уровнем развития Эго включали в свои жизненные истории более разнообразные типы сюжетов, что свидетельствует о большей нарративной сложности. Р. Хельсон и Б. Робертс [54] нашли, что женщины среднего возраста, обладающие высоким уровнем развития Эго, чаще рассказывали негативные жизненные ситуации, чтобы продемонстрировать, что они, пройдя сквозь сложные жизненные обстоятельства, изменились. Женщины с низким уровнем развития Эго этого почти не делали. Более сложные жизненные истории могут включать большую степень изменчивости персонажей. В исследовании того, как студенты колледжа рассказывают о своем религиозном развитии, Д. Макадамс и соавторы [89] обнаружили, что студенты с высоким уровнем развития Эго чаще рассказывали истории о трансформации и росте, предполагая, что они прошли

сквозь серьезные религиозные сомнения, неуверенность и теперь движутся к новой, более личной идеологической перспективе. Если рассматривать это с точки зрения концепции Д. Пиллемера [113], то студенты с высоким уровнем развития Эго центрировали свои истории о вере вокруг «событий-источников», которые в нарративе выглядят как драматические поворотные точки. Студенты с низким уровнем развития Эго в основном отрицали, что у них вообще был какой-то кризис веры, или описывали период вопрошания, который заканчивался тем, что они возвращались к своим исходным убеждениям. То есть студенты с низким уровнем развития Эго конструировали истории, основанные на стабильности и согласованности, отражающие то, что Пиллемер назвал «заякоривающими событиями» (*anchoring events*).

Д. Макадамс и коллеги [93] сравнивали жизненные истории взрослых с высокими значениями по внешним и самоотчетным характеристикам «генеративности» с теми из контрольной выборки, подобранной по всем параметрам, у которых был средний или низкий уровень «генеративности». Генеративность как задача развития, связанная со стремлением заботиться о благополучии следующего поколения, попадает на второй уровень личности по схеме Д. Макадамса. Исследователи обнаружили, что как группа более генеративные взрослые чаще формулировали жизненные нарративы, связанные с «историями ответственности» (*commitment story*), по сравнению со своими менее генеративными коллегами. В типичной прототипической «истории ответственности» главный герой: а) в раннем возрасте в семье живет в очень хороших условиях или получает благословение; б) в том же раннем возрасте начинает очень близко воспринимать страдания других людей; в) им руководит ясная и побуждающая личная идеология, стабильная в течение

времени; г) он переоценивает или преобразует плохие ситуации, извлекая из них хорошие результаты (что соответствует прототипам «истории компенсации/возмещения»); д) ставит на будущее цели, которые принесут пользу обществу. История ответственности как интернализированный Я-нарратив может поддерживать и подкреплять усилия генеративного взрослого человека положительным образом влиять на следующее поколение.

Хотя высокогенеративные взрослые могут конструировать самые разные типы жизненных историй, взрослый человек, который интенсивно работает над тем, чтобы руководить, вести вперед, воспитывать будущее поколение, может осмысливать свою сильную приверженность к просоциальной деятельности в рамках интернализированного нарратива, предполагающего, что этот человек был призван или предопределен для того, чтобы делать людям добро, и что это личное предназначение идет из глубокого детства, было подкреплено чувствительностью к страданиям других и поддержано ясной и стойкой системой ценностей. Восприятие жизни через «последовательности компенсации/возмещения» (когда плохие ситуации трансформируются в хорошие последствия) обеспечивает человеку надежду на то, что тяжелая работа сегодня принесет хорошие дивиденды завтра. Это надежда, которая может поддерживать продуктивные усилия, как личные (воспитание собственного ребенка), так и общественные, такие, как посвящение себя развитию общества [69]. Истории в литературе, мифах и фольклоре, отмечающие генеративность, часто демонстрируют темы, входящие в состав истории ответственности [82].

Важная тема в историях ответственности — это преобразование плохих событий в хорошие исходы, то, что Д. Макадамс и др. [93] назвали последовательностью компенсации/возмещения (*redemption sequence*). Тема компенсации/возмещения —

это мощный мотив, в частности в жизненных историях бывших наркоманов [131] и бывших преступников, которые раскаялись [76]. Макадамс и коллеги [96] выделили отчеты о ключевых сценах жизненной истории у студентов и взрослых, соответствующие теме компенсации, а также противоположной ей теме — порчи/поражения (*contamination sequence*). В последовательности порчи/поражения некое хорошее событие неожиданно превращается в плохое. Результаты этого исследования показывают, что последовательности компенсации в жизненных историях положительно связаны с показателями, собранными методом самоотчета, — удовлетворенностью жизнью, самооценкой, чувством согласованности жизни, и негативно коррелируют с депрессией. В противоположность этому последовательности порчи/поражения сильно коррелируют с депрессией и негативно связаны с тремя показателями субъективного благополучия. Эти результаты соответствуют данным литературы в области психологии здоровья, которые показывают, что люди, рассказывающие о том, что они извлекли для себя какой-то урок или другую пользу из приключившихся с ними травм, болезней и прочих несчастий, выздоравливали быстрее и в целом испытывали большую удовлетворенность жизнью [2]. Таким образом, хотя функции историй жизни — это в первую очередь обеспечение человека Эго-идентичностью, рассказывание историй также является средством в работе по улучшению настроения [63] и по общему поддержанию психического здоровья.

Культурная психология: социальный контекст и проблемы (пост)модернизма

Люди рассказывают друг другу истории во всех культурах. Само понятие истории является по своей природе социальным, т.к. истории существуют для того, чтобы быть рассказанными в социальном контексте. «Нарративная структура авто-

биографической памяти неотличима от нарративных структур других социальных взаимодействий, — пишет Д. Рубин, — и вспоминание автобиографических событий — это, как правило, социальный акт, который может определить сущность социальной группы» [120, р. 54]. Как было отмечено ранее, возрастные психологи, например Р. Фивуш [40] и К. Нелсон [109], исследовали то, каким образом дети и взрослые разделяют свои личные воспоминания в разговоре, каким образом автобиографическая память социально конструируется. Согласно А. Торн [139], термин «личные воспоминания» назван так ошибочно, потому что большая часть значимых воспоминаний разделена с другими людьми. По ее мнению, эту категорию значимых воспоминаний лучше было бы назвать «интимными». Для Торн конструирование значимых воспоминаний и жизненных историй — это всегда некое социальное предприятие, где «родственники и друзья сотрудничают с человеком в создании его Я» [139, р. 45]. Даже когда друзья и родственники в данный момент отсутствуют, жизненные истории, однако, могут сохранять свой социальный характер. Г. Херманс [55] рассматривает Я как полифоническую новеллу или полифонический роман, в котором множество интернализированных голосов «говорят» друг с другом в диалоге. Согласно Макадамсу [86], все истории жизни формулируются с учетом как внутренней, так и внешней аудитории. Кто-то всегда нас слушает или смотрит на нас, это могут быть друзья, родственники, родители, дети, фрейдовское суперэго, мидовский «генерализованный Другой», интернализированные объекты привязанности или Бог.

Жизненные истории отражают ту культуру, в которой история создается и рассказывается. Истории живут в культуре. Они рождаются, растут, процветают, размножаются, благоденствуют и постепенно умирают согласно нормам,

правилам и традициям, которые существуют в данном обществе, согласно тем критериям «жизни, достойной рассказывания», «истории, достойной рассказывания», которые существуют в данной культуре. Как обозначил это Дж. Розенвальд, «когда люди рассказывают истории жизни, они действуют в соответствии с моделями понимания, присущими конкретной культуре» [118, р. 265]. Как было отмечено раньше, Т. Хабермас и С. Блак [51] утверждали, что до того, как человек сможет сформулировать убедительную личную историю, он должен познакомиться с существующей в культуре концепцией биографии. В современных западных культурах, как пишут Н. Дензин [30] и Д. Макадамс [84], считается, что биография должна начинаться в семье, включать в себя развитие в ранние годы, проследить более поздние проблемы к более ранним конфликтам, включать в себя какие-то высшие переживания, точки поворота, отмечающие изменения в жизненной миссии главного героя, и формулироваться в терминах прогресса или упадка. Однако другие общества рассказывают жизнь по-другому, и критерии того, что же такое «хорошая история», там также другие [48].

Более того, даже в конкретном обществе разные истории конкурируют за доминирование и признание. Сторонники феминистского подхода, например С. Хейльбрюн, утверждают, что в западном обществе многие женщины были «лишены нарративов, текстов, сюжетов, примеров, которые дали бы им возможность обрести контроль над собственной жизнью» [53, р. 17]. Совершенно ясно, что жизненные истории так или иначе отражают гендерные и классовые конструкции, существующие в обществе, преобладающие паттерны власти, гегемонии в политическом, экономическом и культурном контексте жизни людей. Правящая элита в обществе дает одним историям

привилегию над другими, поэтому многие исследователи нарративов и психотерапевты стараются дать возможность высказаться, дать слово тем формам жизненных нарративов, которые обычно подавляются или маргинализуются [42; 46; 145].

В последние годы в социальных науках развивается широкое и не очень связанное движение так называемого «нарративного исследования жизни» (*narrative study of lives*), представляющее междисциплинарную работу по описанию, интерпретации и распространению историй жизни разных людей. Особенное внимание уделяется жизненным историям женщин, темнокожих и представителей других групп, чьи жизни и нарративы в ходе исторического развития игнорировались или были подавлены [64]. Многие исследования, предпринятые учеными в этой области, используют индуктивные, герменевтические методы для глубокого исследования небольших объемов жизненных историй, собранных в четко определенных социо-демографических и культурных группах; например Дж. Моделл [103] выделила общие темы и нарративные стратегии в историях, которые биологические родители рассказывают о том, почему они отдали своих детей на усыновление. Б. Уолквер [142] обнаружила, что женатые пары в преддверии рождения ребенка создавали истории о своем воображаемом будущем, в которых они романтизировали и идеализировали детей, которые должны были у них вскоре родиться, и это предполагало скрытую, но иррациональную веру в то, что детство совершенно. Р. Линн [70] определил общие типы жизненных нарративов израильских солдат, которые отказались участвовать в том, что они сочли аморальными актами агрессии. Дж. Грегг [49] выделил гибридную форму жизненного нарратива, которая смешивает темы современности и традиционной исламской веры у молодых марокканцев. Б. Колер и соавторы [26] анализировали конфликты,

фрустрации и продуктивный потенциал в жизненных историях сожительствующих гомосексуалистов. М. Кроссли [28] изучала, какую роль в жизненных историях ВИЧ-инфицированных пациентов играет понятие дома.

Антропологи и кросскультурные психологи давно интересовались тем, что именно истории могут рассказать о сходствах и различиях между культурами. Народные сказки, легенды, священные мифы и биографии рассматривались как окна, сквозь которые можно заглянуть внутрь культуры и увидеть паттерны и сложные взаимоотношения между культурой и Я [44; 129]. Однако довольно часто за пределами фокуса внимания оставался вопрос, насколько ключевым, важным в психосоциальном плане является рассказывание жизни в современных культурах. Следуя за Э. Гиденсом [47] и Ч. Тэйлором [137], Д. Макадамс [84; 85] утверждал, что уникальная проблема, которую современный культурный модернизм ставит перед человеческим Я, требует от современных людей особого умения встраивать собственную жизнь в культурно принятые и понятные истории. В мире модерна Я — это рефлексивный проект, над которым человек должен «работать», развивать его, улучшать, стремиться привести его к совершенству. Современные люди рассматривают Я как нечто сложное и многогранное, содержащее множество слоев, глубину и постоянно меняющееся с течением времени. В то же самое время они чувствуют сильное стремление найти в этом Я некую согласованность, создать Я, которое будет в большей или меньше степени объединено и целесообразно внутри не очень согласованных культурных параметров, обуславливающих культурные обстоятельства их жизни. Начиная со средств массовой информации и кончая повседневными разговорами, современная жизнь наполнена моделями и примерами того, каким образом можно прожить осмысленную

жизнь и что к этому не приводит. Однако практически любая позитивная модель имеет свои недостатки, о согласии между ними говорить не приходится. Даже если сколько-нибудь скромный уровень культурного согласия был бы достижим, люди модерна социализируются таким образом, чтобы искать свой собственный путь, создавать Я, верное тому, чем человек «подлинно является». В результате этого люди выбирают, подхватывают, совершают избирательное заимствование из множества историй и образов, которые они находят в культуре, чтобы создать свою собственную *нарративную идентичность*. Идентичность — это проблема не столь уникальная для современного общества, но она является весьма характерной именно для него. В современной жизни построение своей собственной осмысленной жизненной истории — это очень серьезный культурный императив.

По мере того, как мы переходим в то, что некоторые называют «миром постмодерна», проблема формирования идентичности оказывается еще более вопиющей [45]. На первый взгляд, понятие нарратива особенно привлекательно при рассмотрении самости в культурных условиях постмодерна. Постмодернистское Я подобно тексту, нарративу, который постоянно дописывается и переписывается со временем. Дж. Шоттер и К. Герген писали, что в мире постмодерна «первичный материал, в котором нарративы создаются и циркулируют, является не просто лингвистическим, но текстуальным; идентичность в значительной степени приписывается людям согласно способу их включенности в дискурсы — в их собственные или в дискурсы других людей» [128, р. IX]. Идентичности скорее приписываются культурой, а не конструируются человеком. Дикая смесь культурных нарративов и дискурсов определяет идентичность человека от момента к моменту. Каждый момент дискурса приносит новое

выражение Я. Со временем выражения Я собираются и сшиваются вместе в некое лоскутное одеяло, в текстуальную компиляцию, которая развивается от одного момента к следующему непредсказуемым путем. Но что такое текст? Текст – это всего лишь паттерн слов, образов, знаков и других отображений. В текстах нет ничего существенного, ничего настоящего; никоим образом нельзя сказать, что тот или иной текст на самом деле является «подлинным» и «хорошим». С деконструктивистской точки зрения Ж. Дерриды [31] можно сказать, у текстов нет изначально присущих им стабильных смыслов. Язык изначально не определен. Каждое слово имеет неопределенное значение само по себе, и его конкретное значение в конкретный момент зависит от его взаимоотношений с другими различными неопределенными словами, рядом с которыми оно записано или произнесено.

Идентичность в случае постмодернистского Я может оказаться практически неразрешимой проблемой – все тексты неопределенны, жизнь не может «означать» что-то конкретное, никакой обоснованный паттерн идентичности в жизни выделен быть не может. Кеннет Герген очень отчетливо говорит об этом: «Состояние постмодерна в общем характеризуется плюрализмом голосов, стремящихся обрести право на реальность, чтобы их приняли как оправданное выражение истины и добра. По мере того, как голоса обретают все большую власть, все большее присутствие, все, что кажется правильным, подходящим и хорошо понятным, преобразуется. В мире постмодерна мы все больше осознаем, что объекты, о которых мы говорим, находятся не столько “в мире”, сколько являются продуктами взгляда и точки зрения. Таким образом, процессы, такие, как эмоции, рассудок, прекращают быть реальными и существенными свойствами людей. Скорее, в свете плюрализма, мы воспринимаем их

как результат нашего способа говорить о них. В постмодернистских условиях личности существуют в состоянии постоянного построения и переконструирования – это мир, где все гонится, о чем можно договориться. Всякая реальность Я уступает рефлексивному вопрошанию, иронии и в конце концов игривому оперированию другой реальностью. Центр не держит» [45, р. 7].

Когда Герген написал «центр не держит», он имел в виду, помимо прочего, что а) субъективное Я (человеческая активность) не является более центром человеческой жизни и не может больше собрать воедино и придать подходящую целостность субъективным переживаниям человека; б) объективное Я (Я-концепция) не может более удерживаться вместе, т.к. ее текст не определен и меняется от момента к моменту. Насколько это сейчас верно – вопрос интересных культурных дебатов [58; 85]. Что касается объявленного обрушения действующего Я, то исследования в области психологии развития, отмеченные ранее, показывают, что маленькие дети формируют сильное чувство действительного Я ко второму дню рождения, и этот как бы само собой разумеющийся объект человеческой самости играет очень сильную интегративную роль в формировании человеческого опыта. В случае аутизма и шизофрении центр может действительно «не держать», но трудно поверить, что большая часть нормальных людей не переживают свою жизнь с точки зрения централизованного, целостного Я даже в особо коллективистических и неиндустриальных обществах [57].

Учитывая сложности, потенциально существующие для Я-субъективного при формировании жизненной истории, которая центрирует Я-объективное и дает ощущение единства и целесообразности, постмодернистский подход подчеркивает динамическую природу Я-объективного

и обеспечивает ценную оппозицию наивному американскому взгляду, утверждающему, что человек (как следует потрудившись) может стать всем, чем только пожелает. Идентичность – это не индивидуальное достижение, но работа культуры и в культуре. В каком-то смысле личность и социальный мир личности являются соавторами идентичности. Идентичность – это психосоциальная конструкция [84]. Тем не менее Герген и другие теоретики постмодернизма могли преувеличить степень, до которой современные западные люди верят, что у них мало контроля над идентичностью, а их жизнь переживается как постоянный поток. Кроме того, Герген мог недооценить интегрирующую силу историй. «Считать, что стабильность и постоянство жизненных историй исходит исключительно из воспроизводящихся черт [социокультурных] задач и обстоятельств – это не вполне правильно», писали Дж. Робинсон и Л. Тейлор [117, р. 141]. «Нельзя сказать, что Я-нарративы никогда не меняются, мы имеем в виду, что в каждый отдельный момент имеется некий свой набор переживаний, который считается наиболее соответствующим идентичности человека» [117, р. 141].

Другой важный момент постмодернистских подходов – это множественность Я [45]. Я является или может являться множеством разных вещей в каждый конкретный момент времени или период жизни человека. В том же, что касается жизненных историй, постмодернистский подход предполагает, что не существует единого интегрирующего нарратива в любой конкретной жизни. Скорее, в каждой жизни существует множество нарративов. Более того, эти нарративы часто противоречат и вступают друг с другом в подобие соревнования, находясь в достаточно сложных и изменчивых взаимоотношениях. В постмодернистских жизнях всегда существует поток, и в этом потоке ни одна конкретная

история не может свести воедино множество различных и постоянно изменяющихся черт постмодернистской жизни. В таком случае было бы наивно думать, что каждый человек создает одну-единственную, лишённую проблем и внутренне согласованную большущую историю, которая организует всю его или ее жизнь в паттерн совершенного единства и ясной целесообразности.

Как показал Д. Макадамс [85], постмодернистский акцент на множественности, соответствует множеству тенденций в социальной, когнитивной психологии, психологии развития, эволюционной психологии и других направлениях психологии сегодняшнего дня. Все они подчеркивают особенность, составной характер и предметную отнесенность человеческой жизнедеятельности. И тем не менее взгляд на Я как на своего рода конструктор был бы, наверное, чересчур экстремальным, если считать, что феноменологические переживания человека обладают хотя бы каким-то уровнем интеграции на повседневном уровне, а также если мы полагаем, что нарратив сам по себе обладает какой-то интегрирующей силой [20; 48; 85; 117; 123]. Модель идентичности как жизненной истории, разработанная Д. Макадамсом, подчеркивает интегративную природу историй, то, что нарратив может свести воедино разрозненные черты и тенденции жизни в более или менее объединяющее и придающее целесообразность целое. Тем не менее, было бы, конечно, неправильно утверждать, что такая интеграция идентичности может быть полностью и без всяких проблем ухвачена в одной большой истории, подходящей для данного человека. Люди носят с собой и вносят в общение широкий набор историй о себе, и эти истории гнездятся в больших и пересекающихся историях, в результате чего у человека создается некая антология Я. Хотя ни одна история сама по себе не может включить

всего множества нарративов, которые доступны людям для осмысления своей жизни, некоторые истории больше способствуют объединению, чем другие, и, тем самым, ближе подходят к тому, чтобы функционировать как форматы идентичности для данного человека. Таким образом, идентичность не может быть ухвачена в одном-единственном «великом нарративе» для каждого, но все же сама идентичность достигается посредством нарратива. Люди создают единство и целесообразность своей жизни, придавая смысл тем психосоциальным нишам, которые они занимают в период зрелости, посредством историй, даже если им приходится полагаться на более чем одну историю, чтобы это сделать.

Таким образом, невзирая на какие-то различия и несогласия по поводу того, какой уровень интегрированности характеризует современную социальную жизнь индустриального Запада, и несогласия по поводу того, до какой степени одна-единственная история может быть основой для жизни, постмодернистский подход к Я имеет нечто общее с моделью идентичности как жизненной истории, как и с другими подходами, описанными в этой статье. Их объединяет глубокое убеждение в значимости историй для человека. Человеческая жизнь наполнена историями и создается посредством историй, она собирается в терминах обстановки, сцен, персонажей, сюжетов и тем. История идеально подходит для того, чтобы понять, каким образом человек, деятель, наделенный сознанием и мотивированный своим намерением, воплощает свои убеждения и стремится к целям во времени и в социальном контексте [11]. Жизненные истории – это психосоциальные тексты, которые совместно формируются самим человеком и культурой, в которой жизнь человека должна обладать смыслом. Наши автобиографические истории отражают, кто

мы есть, а также тот мир, в котором мы живем.

Заключение

Представление о том, что идентичность – это интернализованная, развивающаяся жизненная история, связывает воедино большое число важных теоретических и эмпирических направлений в психологии развития, личности, когнитивной и культурной психологии. В позднем подростковом, юношеском возрасте и в ранней зрелости люди, живущие в современных обществах, начинают собирать свою жизнь в интегрирующие нарративы о себе, реконструируя прошлое и в воображении предвосхищая будущее таким образом, чтобы обеспечить свою жизнь некоторым чувством единства и целесообразности. Именно в этом возрастном периоде молодые мужчины и женщины впервые обретают мотивацию на построение проекта идентичности благодаря культурным ожиданиям и поддержке. В это же время они становятся способны рассматривать свою жизнь в виде полноценных нарративов, обладающих временной, биографической, каузальной и тематической согласованностью. Тем не менее возрастные предпосылки построения жизненных историй могут проследиваться до возраста одного года от рождения, когда возникает понимание интенциональности, через развитие действующего Я-субъективного и Я-объективного на втором году жизни, развитие «теории сознания» на третьем и четвертом годах жизни. Развитие жизненных историй может также проследиваться в ранних разговорах, которые дети ведут со своими родителями, братьями, сестрами и друзьями, по мере того, как они совместно конструируют вспоминаемое прошлое. На другом конце спектра построение жизненных историй продолжается и за пределами молодости, по мере того, как люди к середине жизни и к ее концу

продолжают переопределять себя и пересказывать свои жизни в соответствии с предсказуемыми и непредсказуемыми жизненными изменениями. В середине жизни и после нее тема генеративности может выйти на первый план и стать центром жизненной истории человека по мере того, как он будет пытаться подбирать привлекательную концовку для своей истории, которая даст начало новым, хорошим историям у этого человека и у других людей. Психология жизненных историй хорошо состыковывается с современными исследованиями автобиографической памяти. Автобиографическая память помогает расположить и обосновать Я в текущей жизненной истории, описывающей достаточно длительные жизненные периоды или главы, знание о типичных или характерных жизненных событиях, а также конкретные и иногда очень живые подробности запоминаемых сцен. Подобно жизненной истории, автобиографическая память очерчивается текущими целями человека и предвосхищением будущих глав или сцен. Однако автобиографическая память и жизненные истории не являются одним и тем же феноменом. Автобиографическая память включает большое количество личной информации и опыта, в то время как история состоит из ограниченного набора сцен и сценариев, ограниченных тематически и во времени. Эти сценарии и сцены совместно составляют идентичность.

Жизненные истории обеспечивают взгляд на человеческую личность, которого невозможно достичь посредством исследования черт-диспозиций или характеристических адаптаций. Действительно, личность может быть рассмотрена как уникальный паттерн черт, адаптаций и историй. Черты, например, те, которые существуют в так называемой таксономии «большой пятерки» [99], обеспечивают первичный абрис человеческой индивидуальности. Характеристические адаптации,

такие, как мотивы и задачи развития, наполняют эту схему деталями, а жизненные истории обеспечивают интеграцию и смысл. Индивидуальные различия в жизненных историях столь же разнообразны и интересны, как и индивидуальные различия в любом другом аспекте человеческой индивидуальности. Среди наиболее значимых измерений индивидуальных различий являются содержательные темы личной активности и близости, нарративные последовательности «компенсации/возмещения» или «порчи/поражения» и структурная сложность и организация жизненных историй.

Истории существуют для того, чтобы рассказывать их другим, таким образом, они постоянно создаются и пересоздаются в социальных отношениях и в более широком социальном контексте культуры. Как психосоциальные конструкции жизненные истории отражают ценности, нормы и отношения власти (*power differentials*), существующие в тех обществах, в которых эти истории обеспечивают жизни значение и смысл. Построение согласованных жизненных историй — это особенно серьезная проблема для взрослых, живущих в современных обществах модерна и постмодерна, где Я рассматриваются как рефлексивные проекты, исполненные сложности и глубины, постоянно меняющиеся и в то же время требующие гармонии в своей структуре и взаимном расположении. Учитывая, что создание жизненных историй и рассказывание жизни как истории занимает центральное место в современной социальной жизни, обращение внимания психологов-эмпириков к жизненным историям и автобиографической памяти очень вдохновляет. У историй всегда есть аудитория, явная или подразумеваемая. Психологи развития, когнитивные психологи, психологи личности и культурные психологи с недавнего времени тоже сделались слушателями жизненных историй

и привнесли в этот процесс свои теории, гипотезы, и, как мы надеемся, свои прозрения и мудрость.

Литература

1. *Adler A.* The practice and theory of individual psychology. N. Y., 1927. (На русском языке: *Адлер А.* Практика и теория индивидуальной психологии. М., 2007.)
2. *Affleck G., Tennen H.* Construing benefits from adversity: Adaptational significance and dispositional underpinnings // *J. Pers.* 1996. 64. P. 899–922.
3. *Allport G.W.* Letters from Jenny. N. Y., 1965.
4. *Anderson R.C., Pitchert J.W.* Recall of previously unrecalled information following a shift in perspective // *J. Verb. Learn. Verb. Behav.* 1978. 17. P. 1–12.
5. *Applebee A.N.* The child's concept of story. Chicago, 1987.
6. *Arnett J.J.* Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties // *Am. Psychol.* 2000. 55. P. 469–480.
7. *Baerger D., McAdams D.P.* Life story coherence and its relation to psychological well-being // *Narrative Inquiry.* 1999. 9. P. 69–96.
8. *Bakan D.* The duality of human existence: Isolation and communion in Western man. Boston, 1966.
9. *Barclay C.R.* Autobiographical remembering: Narrative constraints on objectified selves // *Remembering our past: Studies in autobiographical memory* / D. Rubin (Ed.). Cambridge, 1996. P. 94–125.
10. *Baron-Cohen S.* Mindblindness: An essay on autism and theory of mind. Cambridge, MA, 1995.
11. *Barresi J., Juckes T.J.* Personology and the narrative interpretation of lives // *J. Person.* 1997. 65. P. 693–719.
12. *Barsalou L.W.* The content and organization of autobiographical memories // *Remembering reconsidered: Ecological and traditional approaches to the study of memory* / U. Neisser, E. Winograd (Eds.). N. Y., 1998. P. 193–243.
13. *Bartlett F.C.* Remembering. N. Y., 1932.
14. *Blasi A.* Identity and the development of the self // *Self, ego, identity: Integrative approaches* / D.K. Lapsley, F.C. Power (Eds.). N. Y., 1988. P. 226–242.
15. *Bluck S., Levine L.J.* Reminiscence as autobiographical memory: A catalyst for reminiscence theory development // *Ageing Soc.* 1998. 18. P. 185–208.
16. *Breger L.* From instinct to identity: The development of personality. Englewood Cliffs, NJ, 1974.
17. *Brewer W.F.* What is autobiographical memory? // *Autobiographical memory* / D. Rubin (Ed.). N. Y., 1986. P. 25–49.
18. *Brewer W.F., Lichtenstein E.H.* Stories are to entertain: A structural-affect theory of stories // *J. Pragmatics.* 1982. 6. P. 473–486.
19. *Brown R., Kulik J.* Flashbulb memories // *Cognition.* 1977. 3. P. 73–99.
20. *Bruner J.S.* Actual minds, possible worlds. Cambridge, MA, 1986.
21. *Bruner J.S.* The “remembered” self // *The remembering self* / U. Neisser, R. Fivush (Eds.). N. Y., 1994. P. 41–54.
22. *Campbell J.* The hero with a thousand faces. N. Y., 1949.
23. *Cantor N., Zirkel S.* Personality, cognition, and purposive behavior // *Handbook of personality: Theory and research* / L. Pervin (Ed.) N. Y., 1990. P. 135–164.
24. *Carlson R.* Where is the person in personality research? // *Psychol. Bull.* 1971. 75. P. 203–219.
25. *Cohler B.J.* Personal narrative and the life course // *Life span development and behavior* / P. Baltes, O.G. Brim Jr. (Eds.). N. Y., 1982. Vol. 4. P. 205–241.
26. *Cohler B.J., Hostetler A.J., Boxer A.* Generativity, social context, and lived experience: Narratives of gay men in middle adulthood // *Generativity and adult development* / D.P. McAdams, E. de St. Aubin (Eds.). Washington, DC, 1998. P. 265–309.
27. *Conway M.A., Pleydell-Pearce C.W.* The construction of autobiographical memories in the self-memory system // *Psychol. Rev.* 2000. 107. P. 261–288.
28. *Crossley M.* Sense of place and its import for life transitions: The case of HIV positive individuals // *Turns in the road: Narrative studies of lives in transition* / D.P. McAdams, R. Josselson, A. Lieblich (Eds.). Washington, DC, 2001. P. 279–296.
29. *Dennett D.* The intentional stance. Cambridge, MA, 1987.

30. *Denzin N.* Interpretive biography. Newbury Park, CA, 1989.
31. *Derrida J.* Positions. Chicago, 1972. (На русском языке: *Деррида Ж.* Позиции. М., 2007.)
32. *Elder G.H.Jr.* The life course paradigm: Social change and individual development // Examining lives in context / P. Moen, G.H. Elder Jr., K. Luscher (Eds.). Washington, DC, 1995. P. 101–139.
33. *Elkind D.* Children and adolescents. 3rd ed. N. Y., 1981.
34. *Emmons R.A.* Personal strivings: An approach to personality and subjective well-being // J. Pers. Soc. Psychol. 1986. 51. P. 1058–1068.
35. *Erikson E.H.* Young man Luther: A study in psychoanalysis and history. N. Y., 1958. (На русском языке: *Эриксон Э.* Молодой Лютер. М., 1996.)
36. *Erikson E.H.* Identity and the life cycle: Selected papers // Psychol. Issues. 1959. 1. P. 5–165.
37. *Erikson E.H.* Childhood and society. N. Y., 1963. (На русском языке: *Эриксон Э.* Детство и общество. СПб., 2000.)
38. *Fiese B.H., Sameroff A.J., Grotevant H.D., Wamboldt F.S., Dickstein S., Fravel D.L.* The stories families tell: Narrative coherence, narrative interaction, and relationship beliefs // Monogr. Soc. Res. Child Dev. 1999. 64. (2. Serial No. 257).
39. *Fitzgerald J.M.* Vivid memories and the reminiscence phenomenon: The role of a self-narrative // Hum. Dev. 1988. 31. P. 261–273.
40. *Fivush R.* Constructing narrative, emotion, and self in parent-child conversations about the past // The remembering self / U. Neisser, R. Fivush (Eds.). N. Y., 1994. P. 136–157.
41. *Fivush R., Kuebli J.* Making everyday events emotional: The construal of emotion in parent-child conversations about the past // Memory for everyday and emotional events / N.L. Stein, P.A. Ornstein, B. Tversky, C. Brainerd (Eds.). Mahwah, NJ, 1997. P. 239–266.
42. *Franz C., Stewart A.J.* Women creating lives: Identities, resilience, and resistance. Boulder, CO, 1994.
43. *Freud S.* The interpretation of dreams // The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud / J. Strachey (Ed.). Vols. 4–5. London, 1953. (Original work published 1900) (На русском языке: *Фрейд З.* Толкование сновидений. М., 2007.)
44. *Geertz C.* The interpretation of cultures. N. Y., 1973. (На русском языке: *Гирц К.* Интерпретация культур. М., 2004.)
45. *Gergen K.J.* The saturated self: Dilemmas of identity in contemporary life. N. Y., 1992.
46. *Gergen M.M., Gergen K.J.* Narratives of the gendered body in popular autobiography // The narrative study of lives / R. Josselson, A. Lieblich (Eds.). Thousand Oaks, CA, 1993. Vol. 1. P. 191–218.
47. *Giddens A.* Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age. Stanford, CA, 1991.
48. *Gregg G.* Self-representation: Life narrative studies in identity and ideology. N. Y., 1991.
49. *Gregg G.* Themes of authority in life-histories of young Moroccans // Representations of power in Morocco / S. Miller, R. Bourgia (Eds.). Cambridge, MA, 1996.
50. *Gutmann D.* Reclaimed powers. N. Y., 1987.
51. *Habermas T., Bluck S.* Getting a life: The emergence of the life story in adolescence // Psychol. Bull. 2000. 126. P. 748–769.
52. *Hall C.S., Lindzey G.* Theories of personality. N. Y., 1957. (На русском языке: *Холл К.С., Лундсей Г.* Теории личности. М., 1999.)
53. *Heilbrun C.G.* Writing a woman's life. N. Y., 1988.
54. *Helson R., Roberts B.W.* Ego development and personality change in adulthood // J. Pers. Soc. Psychol. 1994. 66. P. 911–920.
55. *Hermans H.J.M.* Voicing the self: From information processing to dialogical interchange // Psychol. Bull. 1996. 119. P. 31–50.
56. *Hermans H.J.M., Kempen H.J.G.* The dialogical self: Meaning as movement. N. Y., 1993.
57. *Holland D.* Selves as cultured: As told by an anthropologist who lacks a soul // Self and identity: Fundamental issues / R.D. Ashmore, L. Jussim (Eds.). N. Y., 1997. P. 160–190.
58. *Holstein J.A., Gubrium J.F.* The self we live by: Narrative identity in a postmodern world. N. Y., 2000.
59. *Holt R.R.* Individuality and generalization in the psychology of personality: An evaluation // J. Pers. 1962. 30. P. 377–402.
60. *Howard G.S.* Culture tales: A narrative approach to thinking, cross-cultural psychology, and psychotherapy // Am. Psychol. 1991. 46. P. 187–197.

61. *Howe M.L., Courage M.L.* The emergence and early development of autobiographical memory // *Psychol. Rev.* 1997. 104. P. 499–523.
62. *James W.* *Psychology*. Greenwich, CT, 1963. (Original work published 1892.) (На русском языке: *Джемс У.* Психология. М., 1991.)
63. *Josephson B.R., Singer J.A., Salovey P.* Mood regulation and memory: Repairing sad moods with happy memories // *Cogn. Emot.* 1996. 10. P. 437–444.
64. *Josselson R., Lieblich A.* The narrative study of lives. Vol. 1. Thousand Oaks, CA, 1993.
65. *Kagan J.* *Galen's prophecy*. N. Y., 1994.
66. *Kermode F.* *The sense of an ending*. N. Y., 1967.
67. *Knowles E.S., Sibicky M.E.* Continuity and diversity in the stream of selves: Metaphorical resolutions of William James's one-in-many-selves paradox // *Pers. Soc. Psychol. Bull.* 1990. 16. P. 676–687.
68. *Kotre J.* *Outliving the self: Generativity and the interpretation of lives*. Baltimore, 1984.
69. *Kotre J.* *Make it count*. N. Y., 1999.
70. *Levinson D.J.* *The seasons of a man's life*. N. Y., 1978.
71. *Linn R.* Soldiers' narrative of selective moral resistance: A separate position of the connected self? // *The narrative study of lives / A. Lieblich, R. Josselson (Eds.)*. Thousand Oaks, CA, 1997. Vol. 5. P. 94–112.
72. *Loevinger J.* *Ego development*. San Francisco, 1976.
73. *Mandler J.M.* *Stories, scripts, and scenes: Aspects of schema theory*. Hillsdale, NJ, 1984.
74. *Marcia J.E.* Identity in adolescence // *Handbook of adolescent psychology / J. Adelson (Ed.)*. N. Y., 1980. P. 159–187.
75. *Markus H., Nurius P.* Possible selves // *Am. Psychol.* 1986. 41. P. 954–969.
76. *Maruna S.* Going straight: Desistance from crime and life narratives of reform // *The narrative study of lives / A. Lieblich, R. Josselson (Eds.)*. Thousand Oaks, CA, 1997. Vol. 5. P. 59–93.
77. *Maruna S.* *Making good: How ex-convicts reform and rebuild their lives*. Washington, DC, 2001.
78. *McAdams D.P.* A thematic coding system for the intimacy motive // *J. Res. Pers.* 1980. 14. P. 413–432.
79. *McAdams D.P.* Experiences of intimacy and power: Relationships between social motives and autobiographical memory // *J. Pers. Soc. Psychol.* 1982. 42. P. 292–302.
80. *McAdams D.P.* Love, power, and images of the self // *Emotion in adult development / C.Z. Malatesta, C.E. Izard (Eds.)*. Beverly Hills, CA, 1984. P. 159–174.
81. *McAdams D.P.* Power, intimacy, and the life story: Personological inquiries into identity. N. Y., 1985.
82. *McAdams D.P.* *The stories we live by: Personal myths and the making of the self*. N. Y., 1993.
83. *McAdams D.P.* What do we know when we know a person? // *J. Pers.* 1995. 63. P. 365–396.
84. *McAdams D.P.* Personality, modernity, and the storied self: A contemporary framework for studying persons // *Psychol. Inq.* 1996. 7. P. 295–321.
85. *McAdams D.P.* The case for unity in the (post)modern self: A modest proposal // *Self and identity: Fundamental issues / R. Ashmore, L. Jussim (Eds.)*. N. Y., 1997. P. 46–78.
86. *McAdams D.P.* The role of defense in the life story // *J. Pers.* 1998. 66. P. 1125–1146.
87. *McAdams D.P.* Personal narratives and the life story // *Handbook of personality: Theory and research / L. Pervin, O. John (Eds.)*. 2nd ed. N. Y., 1999. P. 478–500.
88. *McAdams D.P.* *The person: An integrated introduction to personality psychology*. 3rd ed. Fort Worth, TX, 2001.
89. *McAdams D.P., Booth L., Selvik R.* Religious identity among students at a private college: Social motives, ego stage, and development // *Merrill-Palmer Quarterly*. 1981. 27. P. 219–239.
90. *McAdams D.P., Bowman P.T.* Narrating life's turning points: Redemption and contamination // *Turns in the road: Narrative studies of lives in transition / D.P. McAdams, R. Josselson, A. Lieblich (Eds.)*. Washington, DC, 2001. P. 3–34.
91. *McAdams D.P., de St. Aubin E.* Generativity and adult development: How and why we care for the next generation. Washington, DC, 1998.
92. *McAdams D.P., de St. Aubin E., Logan R.* Generativity among young, midlife, and older adults // *Psych. Aging*. 1993. 8. P. 221–230.
93. *McAdams D.P., Diamond A., de St. Aubin E., Mansfield E.* Stories of commitment: The psychosocial construction of generative lives // *J. Pers. Soc. Psychol.* 1997. 72. P. 678–694.

94. *McAdams D. P., Hoffman B.J., Mansfield E.D., Day R.* Themes of agency and communion in significant autobiographical scenes // *J. Pers.* 1996. 64. P. 339–378.
95. *McAdams D.P., Ochberg R.L.* Psychobiography and life narratives. Durham, NC, 1988.
96. *McAdams D.P., Reynolds J., Lewis M.L., Patten A., Bowman P.T.* When bad things turn good and good things turn bad: Sequences of redemption and contamination in life narrative, and their relation to psychosocial adaptation in midlife adults and in students // *Pers. Soc. Psychol. Bull.* 2001. 27. P. 472–483.
97. *McAdams D.P., West S.* Introduction: Personality psychology and the case study // *J. Pers.* 1997. P. 65. P. 757–783.
98. *McCabe A., Peterson C.* Developing narrative structure. Hillsdale, NJ, 1991.
99. *McCrae R.R., Costa P.T. Jr.* Personality in adulthood. N. Y., 1990.
100. *Miller P.J.* Narrative practices: Their role in socialization and self-construction // *The remembering self* / U. Neisser, R. Fivush (Eds.). N. Y., 1994. P. 158–179.
101. *Mischel W.* Personality and assessment. N. Y., 1968.
102. *Mischel W., Shoda Y.* A cognitive-affective systems theory of personality: Reconceptualizing situations, dispositions, dynamics, and invariance in personality structure // *Psychological Review.* 1995. 102. P. 246–268.
103. *Modell J.* “How do you introduce yourself as a childless mother?” Birthparent interpretations of parenthood // *Storied lives: The cultural politics of self-understanding* / G.C. Rosenwald, R.L. Ochberg (Eds.), New Haven, CT, 1992. P. 76–94.
104. *Moffitt K.H., Singer J.A.* Continuity in the life story: Self-defining memories, affect, and approach/avoidance personal strivings // *J. Pers.* 1994. 62. P. 21–43.
105. *Murray H.A.* Explorations in personality. N. Y., 1938.
106. *Murray S.L., Holmes J.G.* Storytelling in close relationships: The construction of confidence // *Pers. Soc. Psychol. Bull.* 1994. 20. P. 650–663.
107. *Nasby W., Read N.* The life voyage of a solo circumnavigator: Theoretical and methodological perspectives [Special issue] // *J. Pers.* 1997. 65. P. 787–794.
108. *Neisser U., Winograd E.* Remembering reconsidered: Ecological and traditional approaches to the study of memory. N. Y., 1988.
109. *Nelson K.* The ontogeny of memory for real events // *Remembering reconsidered* / U. Neisser, E. Winograd (Eds.). N. Y., 1988. P. 244–276.
110. *Offer D., Kaiz M., Howard K.I., Bennett E.* The altering of reported experiences // *J. Am. Acad. Child Adolesc. Psychiatry.* 2000. 39. P. 735–742.
111. *Perry W.C.* Forms of intellectual and ethical development in the college years. N. Y., 1970.
112. *Peterson B.E., Klohnen E.C.* Realization of generativity in two samples of women at midlife // *Psychol. Aging.* 1995. 10. P. 20–29.
113. *Pillemer D.B.* Momentous events, vivid memories. Cambridge, MA, 1998.
114. *Polkinghorne D.* Narrative knowing and the human sciences. Albany, 1988.
115. *Pondy L.R., Morgan G., Frost P.J., Dandridge T.C.* Organizational symbolism. Greenwich, CT, 1983.
116. *Ricoeur P.* Time and narrative. Chicago, 1984. (На русском языке: *Рикер П.* Время и рассказ: в 2 т. М.; СПб., 1999–2000.)
117. *Robinson J.A., Taylor L.R.* Autobiographical memory and self-narratives: A tale of two stories // *Autobiographical memory: Theoretical and applied perspectives* / C.P. Thompson, D.J. Hermann, D. Bruce, J.D. Read, D.G. Payne, M.P. Toglia (Eds.). Mahwah, NJ, 1998. P. 125–143.
118. *Rosenwald G.C.* Conclusion: Reflections on narrative self-understanding // *Storied lives: The cultural politics of self-understanding* / G.C. Rosenwald, R.L. Ochberg (Eds.). New Haven, CT, 1992. P. 265–289.
119. *Ross M.* Validating memories // *Memory for everyday and emotional events Mahwah* / N.L. Stein, P.A. Ornstein, B. Tversky, C. Brainerd (Eds.). NJ, 1997. P. 49–81.
120. *Rubin D.C.* Beginnings of a theory of autobiographical remembering // *Autobiographical memory: Theoretical and applied perspectives* / C.P. Thompson, D.J. Hermann, D. Bruce, J.D. Read, D.G. Payne, M.P. Toglia (Eds.). Mahwah, NJ, 1998. P. 47–67.
121. *Rubin D.C., Wetzler, S.E., Nebes R.D.* Autobiographical memory across the lifespan // *Autobiographical memory.* N. Y., 1986.
122. *Runyan W.M.* Life histories and psychobiography. N. Y., 1982.

123. *Sacks O.* Prodigies // *New Yorker*. 1995. January 9. P. 44–65.
124. *Sarbin T.* The narrative as root metaphor for psychology // *Narrative psychology: The storied nature of human conduct* N. Y., 1986. P. 3–21. (На русском языке: *Сарбин Т.П.* Нарратив как базовая метафора для психологии // *Постнеклассическая психология*. 2004. № 1. С. 6–28.)
125. *Schachter D.L.* Searching for memory: The brain, the mind, and the past. N.Y., 1996.
126. *Schank R.C., Abelson R.P.* Knowledge and memory: The real story // *Advances in social cognition* Hillsdale / R.S. Wyer Jr. (Ed.). NJ, 1995. Vol. 8. P. 1–86.
127. *Schmolk H., Buffalo E.A., Squire L.R.* Memory distortions develop over time: Recollections of the O. J. Simpson verdict after 15 and 32 months // *Psychol. Sci.* 2000. 11. P. 39–45.
128. *Shotter J., Gergen K.J.* Texts of identity. London, 1989.
129. *Shweder R.A., Sullivan M.A.* Cultural psychology: Who needs it? // *Annu. Rev. Psychol.* 1993. 44. P. 497–523.
130. *Singer J.A.* Seeing one's self: Locating narrative memory in a framework of personality // *J. Pers.* 1995. 63. P. 429–457.
131. *Singer J.A.* Message in a bottle: Stories of men and addiction. N.Y., 1997.
132. *Singer J.A., Salovey P.* The remembered self. N.Y., 1993.
133. *Stein N.L., Ornstein P.A., Tversky B., Brainerd C.* Memory for everyday and emotional events. Mahwah, NJ, 1997.
134. *Stein N.L., Wade E., Liwag M.C.* A theoretical approach to understanding and remembering emotional events // *Memory for everyday and emotional events* / N.L. Stein, P.A. Ornstein, B. Tversky, C. Brainerd (Eds.). Mahwah, NJ, 1997. P. 15–47.
135. *Stern D.* The interpersonal world of the human infant. N.Y., 1985.
136. *Sternberg R.* Love is a story: A new theory of relationships. N.Y., 1998.
137. *Taylor C.* Sources of the self: The making of the modern identity. Cambridge, MA, 1989.
138. *Thompson C.P., Skowronski J.J., Larsen S.F., Betz A.L.* Autobiographical memory: Remembering what and remembering when. Mahwah, NJ, 1996.
139. *Thorne A.* Personal memory telling and personality development // *Pers. Soc. Psychol. Rev.* 2000. 4. P. 45–56.
140. *Tomasello M.* Culture and cognitive development // *Curr. Dir. Psychol. Sci.* 2000. 9. P. 37–40.
141. *Tomkins S.S.* Script theory // *Nebraska Symposium on Motivation* / H.E. Howe Jr., R.A. Dienstbier (Eds.). Lincoln, 1979. Vol. 26. P. 201–236.
142. *Walkover B.C.* The family as an overwrought object of desire // *Storied lives: The cultural politics of self-understanding* / G.C. Rosenwald, R.L. Ochberg (Eds.). New Haven, CT, 1992. P. 178–191.
143. *Welch-Ross M.K.* An integrative model of the development of autobiographical memory // *Dev. Rev.* 1995. 15. P. 338–365.
144. *Wellman H.M.* Early understanding of mind: The normal case // *Understanding other minds: Perspectives from autism* / S. Baron-Cohen, H. Tager-Flusberg, D.J. Cohen (Eds.). N.Y., 1993. P. 10–39.
145. *White M., Epston D.* Narrative means to therapeutic ends. N.Y., 1990.
146. *White R.* Lives in progress. N.Y., 1952.
147. *Winter D.G.* The power motive. N.Y., 1973.
148. *Woike B.A.* Most-memorable experiences: Evidence for a link between implicit and explicit motives and social cognitive processes in everyday life // *J. Pers. Soc. Psychol.* 1995. 68. P. 1081–1091.
149. *Woike B.A., Gerskovich I., Piorkowski R., Polo M.* The role of motives in the content and structure of autobiographical memory // *J. Pers. Soc. Psychol.* 1999. 76. P. 600–612.